

- разработать и апробировать частные методики по осуществлению инклюзивной практики в образовательном учреждении для детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

Секция 6. Отношение молодежи к семье

Причинно-следственные связи в рамках проблемы отношения молодежи к гражданскому браку

Басимов М.М.

Российский государственный социальный университет, Москва

basimov_@mail.ru

Ключевые слова: гражданский брак, номинальные и интервальные переменные, причинно-следственные связи, множественное сравнение

Брак – особый общественный институт для регулирования отношений между его гражданами. Это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между полами, между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству [1]. Другими словами, брак – традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, один из способов самосохранения и развития общества.

Однако одной из характеристик современного российского общества принято считать распространение незарегистрированных союзов, которые в народе обозначают как «гражданский брак». Под «гражданским браком» понимается – сожительство, или фактический брак, или незарегистрированный брак – отношения между партнёрами – «супругами», не оформленные в установленном законом порядке. Отношение

общества к гражданским бракам становится все более лояльным, поэтому такая форма отношений стала распространенной.

В рамках плана работы социологической лаборатории КГУ (Курганский государственный университет) было проведено социологическое исследование феномена «гражданского брака». Для анализа причинно-следственных связей одновременно для интервальных и номинальных переменных применялся новый вариант авторского метода.

Чтобы одновременный анализ номинальных и интервальных параметров в рамках множественного сравнения (при изучении связей) стал более строг в плане отбора тех или иных результатов для описания и интерпретации, необходимо было ввести критерии такого отбора. Это удалось сделать при объединении двух задач в одну: задачи изучения связей для интервальных переменных через множественное сравнение квантильных разбиений данных по каждому параметру [2,5] и задачи множественного сравнения тех же интервальных параметров для групп по многозначным номинальным признакам (вопросы с номинальными ответами для выбора) [3,4]. Объединяя квантильные разбиения по интервальным параметрам и группы по номинальным ответам в одну задачу множественного сравнения, получаем результат для номинальных и интервальных параметров по единой шкале сравнительной весомости. После чего (триады или кварты) по интервальным параметрам, как и раньше, позволяют построить коэффициенты силы связи и нормировать их на аналог единичной корреляции (зависимость интервального параметра от самого себя). Той же нормировке необходимо подвергнуть и аналоги коэффициентов связи для групп по номинальным ответам. Отметим, что в случае с номинальными переменными о зависимости можно говорить только в одном направлении: как от номинальных параметров зависят интервальные параметры.

Таким образом, стало возможным говорить о зависимости интервального параметра от многозначной номинальной переменной и отбирать нужные по силе связи, исходя только из числовых значений.

При построении коэффициентов силы связи (после общей задачи множественного сравнения для всех параметров) предлагаются две стратегии:

1. Берется два номинальных ответа, соответствующих максимальному и минимальному значениям сравнительной весомости интервального параметра, зависимость которого от номинального параметра определяется.

2. Берется каждый раз (перебор всех вариантов) три (в случае триад для интервальных параметров) или четыре (в случае кварт) номинальных ответа, далее определяются аналоги коэффициента связи для трех (четырех) номинальных ответов, после чего коэффициенты связи усредняются по всем перестановкам, т.к. номинальные ответы между собой равноправны и операция упорядочения для них не реализуется.

Первая стратегия, очевидно, более жесткая и определяет, как значимые меньшее количество связей. Мы рассмотрим как эта стратегия определила значимые связи в случае, когда причина – это три номинальных переменные:

1. Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку
2. Причины вступления молодых людей в гражданский брак
3. Недостатки гражданского брака

1. Независимый (номинальный) параметр "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)" определяется вопросом анкеты:

Когда «гражданский брак» должен уступить место законному браку?

1. Когда партнеры решают завести ребенка
2. Когда позволяет материальное положение
3. Когда партнеры убеждены в прочности союза
4. Когда партнеры прожили уже много лет вместе
5. Никогда
6. Другое

Определилось четыре значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку (X01)" от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)":

Коэффициент силы связи = 0.54

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 777 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -5860 Никогда (G07-05)

Наиболее положительно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +777).

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)" от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)"

Коэффициент силы связи = 0.62

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 2106 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -5514 Никогда (G07-05)

Наиболее высоко приемлемость гражданского брака как формы отношений также оценивают респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +2106).

3. Зависимость интервального параметра "Возможность рождения ребенка в гражданском браке (X03)" от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)":

Коэффициент силы связи = 0.71

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 4272 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -4490 Когда партнеры прожили уже много лет вместе (G07-04)

Возможность рождения ребенка в гражданском браке наиболее высоко оценивают

респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +4272).

А совершенно не допускают возможности рождения ребенка в гражданском браке респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, когда партнеры прожили уже много лет вместе (сравнительная весомость = +4490).

4. Зависимость интервального параметра "Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка (X04)" от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)":

Коэффициент силы связи = 0.55

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 4464 Когда партнеры прожили уже много лет вместе (G07-04)

min -2319 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

На этот раз экстремальные группы по номинальному вопросу те же, что и в предыдущей зависимости, но необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка они оценивают противоположно по сравнению с возможностью рождения ребенка в гражданском браке.

Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка отвергают прежде всего респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = -2319).

А регистрацию брака в случае рождения ребенка считают крайне необходимой респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, когда партнеры прожили уже много лет вместе (сравнительная весомость = +4464).

II. Независимый (номинальный) параметр "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)" определяется вопросом анкеты:

Какие, по Вашему мнению, могут быть причины вступления молодых людей в «гражданский брак»?

1. В гражданском браке партнерам формально легче разойтись
2. *Препятствия со стороны родственников*
3. Финансовые затруднения
4. *Уход от ответственности*
5. Партнеры не уверены в своих чувствах
6. Возможность сохранить свободу
7. Проверка совместимости характеров
8. Проверка бытовой совместимости
9. *Проверка сексуальной совместимости*
10. Попытка репетиции семейных отношений
11. Другое

Определилось три значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку (X01)" от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)":

Коэффициент силы связи = 0.73

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 3448 Препятствия со стороны родственников (G08-02)

min -5563 Уход от ответственности (G08-04)

Наиболее положительно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной вступления молодых людей в гражданский брак являются препятствия со стороны родственников (сравнительная весомость = +3448).

Наиболее отрицательно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной вступления молодых людей в гражданский брак является уход от ответственности (сравнительная весомость = -5563).

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)" от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)":

Коэффициент силы связи = 0.69

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 3116 Препятствия со стороны родственников (G08-02)

min -5386 Уход от ответственности (G08-04)

Аналогично эти две группы по номинальным ответам (G08-02 и G08-04) дают оценку приемлемости гражданского брака как формы отношений.

3. Зависимость интервального параметра "Возможность рождения ребенка в гражданском браке (X03)" от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)":

Коэффициент силы связи = 0.84

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5834 Проверка сексуальной совместимости (G08-09)

min -4551 Уход от ответственности (G08-04)

III. Независимый (номинальный) параметр "Недостатки гражданского брака. (G09)" определяется вопросом анкеты:

Какие недостатки гражданского брака имеют значимость для Вас?

1. У людей, состоящих в гражданском браке, нет социального статуса
2. У людей, состоящих в гражданском браке, нет ощущения серьезности отношений
3. У людей нет ощущения стабильности своего положения
4. Это юридический риск
5. Против такой формы брака обычно активно возражают родители – мои и (или) моего партнера
6. У гражданского брака нет недостатков
7. Другое

Определилось две значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку (X01)"

от номинального параметра "Недостатки гражданского брака. (G09)":

Коэффициент силы связи = 0.72

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5360 У гражданского брака нет недостатков (G09-6)

min -3502 У людей состоящих в гражданском браке нет ощущения серьезности отношений (G09-02)

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)" от номинального параметра "Недостатки гражданского брака. (G09)":

Коэффициент силы связи = 0.72

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5268 У гражданского брака нет недостатков (G09-6)

min -3573 У людей состоящих в гражданском браке нет ощущения серьезности отношений (G09-02)

Таким образом, появляется возможность анализировать связи одновременно и в единой системе мер между интервальными и номинальными переменными. В статье рассмотрены примеры, позволяющие без широкого описания, продемонстрировать метод анализа причинно-следственных связей.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Список литературы

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи: монография. Санкт-Петербург: Речь, 2005. – С. 19.
2. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
3. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

4. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.

5. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.

6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.

7. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.

8. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

9. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

10. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

11. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

12. Basimov M.M. Nominal variables as external factors of the group for multiple comparison of interval variables // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – М.: Maska, 2009. – С. 185-188 p.

13. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociological research // European

Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – M.: Maska, 2009. – С. 196-199 p.

14. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

15. Basimov M.M. Method of multiple comparison in sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

16. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

17. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

18. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

19. Basimov M.M. Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

**Репродуктивное самоопределение молодежи
как «болевая точка» современной семьи**

Беляева М.А.

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

marysia@e343.ru

Аннотация: в статье представлена авторская трактовка понятия «репродуктивное самоопределение молодежи», которое взаимосвязано с таким

культурным конструктом как «репродуктивная культура». На основании теоретического анализа в рамках культурологических и психолого-педагогических исследований, а также практического опыта преподавательской деятельности автор разработал концепцию «прокреационного образования», направленного на профилактику актуальных демографических проблем современной семьи.

Ключевые слова: молодежь, репродуктивная культура, репродуктивное самоопределение, пронатальный и антинатальный репродуктивный сценарий, семья, прокреационное образование, демографическая политика.

Молодежь – особая группа населения (от 14-до 29 лет), от которой зависит будущее страны и, прежде всего, демографическая ситуация. Сегодня в странах Европейского сообщества отчетливо прослеживается парадоксальная тенденция: на фоне роста благосостояния идет снижение рождаемости, но хорошие условия жизни сами по себе не могут подавлять потребность в детях, усиливая демографические проблемы современной семьи.

По мнению российских социологов и демографов, представителей фамилистического подхода в изучении репродуктивного поведения (Б.Ц. Урланис, А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.А. Борисов, А.И. Кузьмин, В.М. Медков, А.Б. Синельников и др.), все дело в системе ценностей индустриальной цивилизации, при которой все большее число социальных ценностей носит внесемейный характер и требует активного участия индивидов во внесемейной деятельности, которая трудно сочетается с задачами рождения и воспитания детей.

Чтобы современное поколение молодежи смогло внести положительный вклад в решение демографических проблем стареющего российского общества, необходимо так изменить всю культуру, весь образ жизни, чтобы семейные ценности оказались во главе угла мировоззрения наших юношей и девушек, а ценность детей для родителей в количественном аспекте приблизилась до общественно необходимого уровня (3-4 ребенка в семье).

Мало вероятно, что этот баланс возникнет самопроизвольно. Возможность влияния на процессы рождаемости и сложившуюся систему ценностей, определяющих малодетный образ жизни, тесно связана с целенаправленным воспитанием у молодежи *репродуктивной культуры*.

В моем понимании *репродуктивная культура представляет собой динамическую ценностно-нормативную систему, предназначенную для регуляции исторически трансформирующихся репродуктивных потребностей человека и общества за счет амбивалентной направленности сдерживания и реализации способности продолжения рода*. Репродуктивная культура по мере ее интериоризации индивидом становится важнейшим регулятором репродуктивного поведения, позволяя минимизировать биосоциальные риски, противоречащие нуждам общества и личности в такой форме человекотворчества как продолжение себя в детях (Беляева М.А., 2011).

Репродуктивная культура определяет репродуктивный сценарий индивида, его выбор числа и сроков рождения детей, подготовку к их рождению, предпочтение тех или иных видов и способов контрацепции, отношение к собственным репродуктивным возможностям (фертильности), их планомерное разумное использование на благо собственной самореализации и благополучия общества.

По отношению к сексуальному поведению человека репродуктивная культура является той технологией, которая реально отделяет потребность продолжения рода от других потребностей, реализуемых за счет сексуальной активности. Репродуктивная культура, сама порожденная страхами перед опасностями, связанными с деторождением, сегодня служит средством освобождения сексуальных отношений от страха возможных репродуктивных итогов этих отношений. Но освобождение от страха не есть освобождение от ответственности, поскольку в своей технологической части репродуктивная культура построена на сознательных самоограничениях и самоконтроле (подробнее о соотношении сексуальной и репродуктивной культуры см.: Беляева М.А., 2011, с. 93-99).

Репродуктивная культура наряду с другими факторами определяет процесс репродуктивного самоопределения индивида. *Репродуктивное самоопределение – это один из аспектов культурной идентификации личности, который выражается в согласовании индивидом собственных репродуктивных потребностей с существующими в обществе социокультурными нормами детности, а также с доступными возможностями их реализации.* Превентивное репродуктивное самоопределение личности – это одно из принципиальных условий *сознательного родительства*, основанного на целенаправленном содействии или противодействии способности продолжения рода.

Полагаю, что репродуктивное самоопределение зависит от: 1) социальной зрелости человека; 2) его выбора в системе социальных норм, регулирующих число детей в семье; 3) освоения целого ряда социальных ролей (гендерной, брачной, родительской, профессиональной ролей); 4) социокультурного воздействия, ограничивающего репродуктивное самоопределение индивида в рамках тех или иных ценностей, принятых в обществе.

В результате репродуктивного самоопределения рождается некий план или иначе – *репродуктивный сценарий* с двумя основными «сюжетными линиями»: содействие природному предназначению продолжения рода или противостояние этой биосоциальной функции человека. В рамках первой – *пронатальной* (от лат. *natalis* – относящийся к рождению) или *продетной составляющей репродуктивного самоопределения* индивид намечает число детей и сроки их рождения, определяется с условиями при которых рождение детей оценивается как благоприятное событие, т.е. рефлексировать свои репродуктивные потребности, репродуктивные установки и мотивы, какие-то из них могут быть четко и однозначно определены (например, рождение детей только в поной семье, или наоборот, принятие возможности внебрачных рождений), другие совершенно не определены (например, допустимость использования донорских клеток, в случае возможного обнаружения бесплодия), а третьи могут варьировать в определенных пределах (желаемое количество детей от 1 до 4, например).

В рамках второй – *антидетной (или антинатальной)* линии репродуктивного поведения, индивид откладывает или полностью исключает рождение детей и

соответственно должен сделать выбор, т.е. самоопределился относительно средств контроля над собственной фертильностью, сообразно своему мировоззрению, образу жизни, доступной информации и соответствующих медицинских услуг.

Термин «сценарий», заимствованный из сферы искусства, активно используется в психологии и педагогике для отражения тех или иных характеристик поведения личности. В частности, Э. Берн использовал понятие «сценарий» для обозначения скрытых смыслов межличностных взаимодействий, при этом он определяет сценарий «как постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей» (Берн Э., 1988), которое называл «родительским программированием», но, с другой стороны: «Судьба каждого человека определяется в первую очередь им самим, его умением мыслить и разумно относиться ко всему происходящему в окружающем его мире. Человек сам планирует собственную жизнь. Только свобода дает ему силу осуществлять свои планы, а сила дает свободу осмысливать, если надо их отстаивать или бороться с планами других» (см.: там же).

Построение репродуктивного сценария в ходе репродуктивного самоопределения девушек и юношей начинается еще в раннем детстве вместе с осознанием собственной половой принадлежности (3 года), в дальнейшем по ходу полового созревания формируются идеальные представления о социальном функционировании в рамках мужской или женской ролей, о брачно-семейных отношениях, о будущем материнстве/отцовстве и т.д. В данном вопросе существуют заметные гендерные различия, в частности, репродуктивное самоопределение женщин коррелирует с такой категорией, как их семейное самосознание (подробнее об этом см.: Васягина Н.Н., Адушкина К.В., 2012). Влияние родителей на идеалы детности неоспоримо, однако репродуктивное самоопределение – процесс, тесно соотнесенный с другими составляющими социализации (профессиональное самоопределение, гражданское самоопределение, брачное самоопределение), и по мере накопления собственного жизненного опыта, а также комплекса объективных биологических и социальных условий, изначальное «родительское программирование» в вопросах, касающихся репродуктивного поведения, на мой взгляд, утрачивает свое влияние.

По мере взросления у молодежи формируются различные репродуктивные сценарии, но в рамках одной и той же культуры они похожи, так как репродуктивные установки и мотивы находятся под влиянием стереотипов массового сознания, ретранслируемых различными институтами социализации, прежде всего, семьи, СМИ и системы образования. Главные переменные репродуктивного сценария – это не столько количество детей, сколько сроки и условия их рождения с учетом брачности, биологических возможностей, сексуальной активности, собственных предпочтений и предпочтений партнера, с учетом микро-, мезо-, и макросоциальных условий, которые индивид расценивает как благоприятные или неблагоприятные.

Репродуктивное самоопределение может четко осознаваться и манифестироваться в диалоге с самим собой, потенциальным или реальным брачным партнером, другим ближайшим окружением (друзья, родители) или в ходе случайных социологических опросов. Но может и не осознаваться, тогда соответствующие представления, а вместе с ними и решения в сфере репродуктивного поведения (выбор контрацепции, решение о сохранении или прерывании беременности) принимаются конформно, подчиняясь общепринятым нормам или прямому влиянию каких-либо социальных субъектов, авторитетных для данного индивида, или от которых он (она) находится в прямой зависимости (брачный партнер, родительская семья, медицинское или другое учреждение, представляющее государство, а также конфессиональные учреждения и общественные организации).

Пока что юношам и девушкам приходится самостоятельно разбираться с вопросами репродуктивного самоопределения. Никто не занят этой проблемой специально, процесс формирования репродуктивной культуры идет стихийно, но, если государство действительно заинтересовано в повышении рождаемости, оно должно отражать ценностную предопределенность репродуктивного самоопределения граждан (в первую очередь, молодежи) и находить, во-первых, действенные способы реализации демографической политики по поддержке семейных ценностей, являющихся основой многодетного образа жизни и, во-вторых, целенаправленно использовать систему образования для воспитания необходимых репродуктивных установок.

В этой сфере, как и во многих других, естественной реакцией на глобализацию является обращение к культурным истокам, чтобы понять, что же мы все-таки теряем и далее, либо расстаться с этим наследством без сожалений, либо сохранять его, встраивая в новую культурную реальность современной городской жизни. В самом желании внести в будущее что-то из прошлого, нет ничего противоестественного, так как: «История культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии» (Д.С. Лихачев, 1987).

Среди существующих механизмов возврата прошлого в настоящее (музеи, искусство, фольклористика, СМИ, образование и др.) образование играет особую роль, поскольку является массовым и целенаправленным социокультурным институтом, обеспечивающим непрерывную социализацию и инкультурацию поколений. Насколько успешно оно справляется с этой функцией, в данном контексте не обсуждается, но российская система образования в принципе никогда не предполагала (в силу сексофобии и ряда других причин) обеспечения культурной преемственности в *прокреационной сфере* (т.е. сфере биологического воспроизводства общества), перекладывая эту миссию на семью и учреждения здравоохранения. Однако, депопуляция, добавляя аргументов в поддержку пессимистических перспектив человечества, вступившего в «эпоху Вырождения», заставляет пересмотреть отношение системы образования к репродуктивной культуре, к демографическим проблемам современной семьи и, в частности, проблеме репродуктивного самоопределения молодежи.

К сожалению, диахронический диалог культур (современной и традиционной) нарушен именно в *пронатальной подсистеме* репродуктивной культуры, регламентирующей действия, направленные на рождение детей; тогда как прошлое *антинатальной подсистемы*, отвечающей за противодействие способности продолжения рода с целью поддержания обратимой или необратимой инфертильности, как раз не было забыто в постмодернистскую эпоху, а наоборот, многие архаичные методы, подкрепленные новыми технологиями (например, хирургическая стерилизация, метод ВМС и др.) стали эффективными, относительно

безопасными и массовыми спутниками жизни современной молодежи. Что касается пронатальной подсистемы репродуктивной культуры, то она постепенно лишается национальных особенностей. Предметное окружение младенцев, беременных и кормящих женщин увеличивается, становится единообразным, подчиняясь всеобщим модным трендам, быстро завоевывающим потребительский рынок в разных странах, в том числе в России. *Тенденции медиализации и невротизации репродуктивных процессов* выхолащивают их духовное содержание.

В русской культуре с миром материнства и детства (особенно с его самым ранним – младенческим периодом) связано уникальное устное народное музыкально-поэтическое творчество: «За конкретными текстами, доносящими до нас уже во многом экзотические формы семейных обрядов родин и крестин, за своеобразием и мудростью народных примет в период зачатия и вынашивания ребенка, за прелестью колыбельных песен, детских пестушек, потешек и прибауток, за чаровством и поэзией заговоров, простотой, рациональностью и особой эстетикой детских игрушек, одежды и утвари стоят не «более или менее интересные частности ушедшего быта», а слагаемые народной души, народного характера, которые вырастают в семье, а затем творят историю отдельного человека, народа и в конечном счете – человечества» (Г.М. Науменко, 1998). Объективная ценность психотерапевтических возможностей данного социокультурного опыта и его потенциальное влияние на репродуктивное самоопределение молодежи убеждает в необходимости поиска форм его передачи через современные образовательные практики.

В постсоветский период в больших городах получили развитие культурно-просветительские программы для будущих родителей, существенно отличающиеся по содержанию и принципам своей деятельности от официальных «школ матери», функционировавших на базе медицинских учреждений. Некоторые из таких альтернативных программ несут в себе, в том числе и этно-национальный компонент, вовлекая слушателей в процесс этно-национального творчества (изготовление кукол-оберегов, крестильной рубашки, игрушек и т.д.). Но в силу своей специфики (посещение занятий в свободное время, на добровольной и, как правило, коммерческой основе) программы дополнительного образования взрослых не могут стать массовыми и оказать

существенное влияние на репродуктивное самоопределение молодежи, тем не менее они востребованы среди относительно благополучных слоев городского населения.

Но главный ресурс представляет профессиональное образование, т.к. обучающиеся в этой системе имеют полный «пакет» репродуктивных прав и владеют общекультурной базой, позволяющей обеспечивать культурную преемственность в прокреационной сфере. Для реализации этой цели необходимо развивать особую область образования – *прокреационное образование* (термин мой – БМ.), представляющее собой целостную систему полисубъектной культурно-просветительской деятельности, направленной на формирование репродуктивной культуры у молодежи и влияние на ее репродуктивное самоопределение (Беляева М.А, 2014).

В задачи прокреационного образования (далее ПО) входит:

1. Пропаганда ценностей (витальных, социальных, нравственных, эстетических), лежащие в основе *репродуктивной культуры*.
2. Формирование представлений об этических, биологических и правовых нормах репродуктивного поведения.
3. Трансляция знаний и умений, необходимых на стадии подготовки к рождению ребенка и его воспитания на первом году жизни, т.е. транслировать *перинатальную культуру*, причем с учетом ее национальных особенностей.
4. Сохранение национального наследия, связанного с миром материнства и детства, на уровне вещного окружения, обрядов, традиций, песенного фольклора и других этнографических характеристик культуры репродуктивного поведения.
5. Формирование представления о возможностях и целесообразности регулирования фертильности.
6. Понимание конструктивных и деструктивных мотивов рождения детей, содействие осмыслению комплекса потребностей (физиологических, психологических, социокультурных, экономических, духовных), определяющих интегративную потребность в рождении и воспитании детей, т.е. *прокреационных потребностей*.

7. Формирование установки на сознательное родительство, которое основано на ответственном отношении к выполнению родительских функций и предполагает беспокойство за судьбу ребенка, его здоровье, духовное и физическое развитие задолго до его появления на свет.
8. Трансляция позитивного имиджа многодетного образа жизни (3-4 ребенка).
9. Содействие своевременному репродуктивному самоопределению молодежи и выбору конструктивных репродуктивных стратегий, отвечающих принципам здорового образа жизни.
10. Стимулирование самообразования и самовоспитания личности в данной области повседневной жизни человека.

ПО обладает инновационным содержанием, т.к. не подменяет существующих (по крайней мере, в теории) сексуального, экологического, семейного и иных смежных областей воспитания и обучения подрастающего поколения. Содержание ПО отвечает целям гуманизации и гуманитаризации образования, которые не новы с теоретической точки зрения, но их практическому воплощению препятствует восприятие человека (обучающегося, воспитанника, слушателя и т.д.) в качестве «изделия», которое в своей «готовности», должно отвечать требованиям рынка, работодателя, производственного процесса и т.д., т.е. мера совершенства человека как «продукта образования» лежит вне его самого, вне его потребностей. ПО носит проблемно-ориентированный, а не предметно-ориентированный характер. Проблемно-ориентированное обучение остается инновационной областью для отечественного образования, трудной для освоения в массовой практике. Наличие в ПО этнокультурной задачи сохранения национального наследия, связанного с миром материнства и детства, разительно отличает предлагаемый концепт ПО от других проектов модернизации образования, ориентированных на некий «общеевропейский» стандарт. Интимность содержательных аспектов ПО обуславливает необходимость использования инновационных методов и приемов обучения, которые позволяют развивать потребность в самообразовании, саморефлексии, самоопределении личности.

Помимо теоретического обоснования культурных и психосоциальных феноменов, обозначенных в данной статье: «прокреационное образование», «репродуктивная

культура», «репродуктивное самоопределение», мной был разработан и прошел многолетнюю апробацию (2005-2015 гг.) учебно-методический комплекс элективного курса «Репродуктивная культура молодежи», который предназначен для реализации в высших учебных заведениях независимо от профиля профессиональной подготовки.

Таким образом, *репродуктивное самоопределение молодежи* – это одна из актуальных «болевых точек» современной семьи, тесно связанная с глобальными и локальными демографическими процессами. В результате пролонгированного согласования репродуктивных потребностей юношей и девушек с существующими социокультурными нормами детности, а также с их собственными биологическими и социальными возможностями, создается репродуктивный сценарий, в котором отражается уровень *репродуктивной культуры* (т.е. ценностно-нормативной системы, регулирующей репродуктивное поведение человека). Одним из способов целенаправленного влияния на репродуктивное самоопределение молодежи является развитие особого направления образования, которое мы назвали *прокреационным*; его миссия заключается в формировании репродуктивной культуры – ее пронатальной и антинатальной подсистем, создании условий для выбора конструктивных репродуктивных стратегий, отвечающих личным и государственным интересам. В современной России, в первую очередь, необходима поддержка *пронатальной* подсистемы репродуктивной культуры. Содействие репродуктивному самоопределению молодежи в рамках прокреационного образования следует рассматривать как одно из проявлений гуманизации образования, как форму реагирования на злободневные проблемы общества, в данном случае – демографические проблемы семьи.

Список литературы

1. Беляева М.А. Культура репродуктивного поведения в российской повседневности: монография – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2011. – 256 с. – С. 123. – С. 93-99.

2. Беляева М.А. Половое воспитание и прокреационное образование: сравнительный понятийный анализ // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 3. – С. 197-201.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ./ Общ. ред. М. С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с. – С. 175.
4. Васягина Н.Н., Адушкина К.В. Структурно-содержательный анализ семейного самосознания женщины // Дискуссия. – 2012 – №1. – С. 116-123.
5. Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. – Л., 1987. С. 26.
6. Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник статей / Отв. Ред. А.И. Антонов. – М.: КДУ, 2009. – 380 с.
7. Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов / под ред. Г.М. Науменко. – М., Беловодье, 1998. – 390 с. С. 5-15.

Представления об успехе современных подростков

Бухаленкова Д.А.

факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

dawikbox@gmail.com

Аннотация. Данное исследование было посвящено изучению представлений об успехе современных подростков: выделены семантические универсалии, описывающие понятие «успех», выявлены наиболее значимые для подростков характеристики успеха. Наиболее интересной частью исследования является анализ примеров успешных людей и ответов подростков на вопрос о том, как они видят себя через 15 лет. В результате проведения данного исследования удалось установить связь представлений подростков

об успехе с такими личностными особенностями как самооценка и переживание осмысленности своей жизни. А также значимость семьи для современных подростков.

Ключевые слова: успех, самооценка, старший подростковый возраст, семья.

В наше время наиболее актуальным и значимым стало стремление к успеху. Современного человека обычно представляют, как стремящегося к достижению определенного статуса, положению, престижу, достижению высоких результатов во всех сферах его жизни. Представления об успехе отчасти формируют и во многом определяют систему ценностей личности, оказывая влияние на ее установки, самосознание, уровень притязаний и картину мира. Именно в подростковом возрасте происходит активное развитие и становление личности (Обухова Л.Ф., Кле М., Выготский Л.С., Эльконин Д.Б., Лисина М.И.). Представление о собственной успешности, отношение к своим достижениям являются очень важными для формирования представлений подростка о себе, его самооценки и его психологического благополучия в целом (Лисина М.И. 1997).

Целью настоящего исследования стало выявление связи особенностей представлений подростков об успехе с самооценкой и степенью осмысленности жизни.

В исследовании приняли участие 328 человек (195 девушек и 133 юноши) в возрасте от 15 до 17 лет, ученики 10-11 классов московских школ и гимназий. Изучение представлений подростков об успехе проводилось на основе методики семантического дифференциала Ч. Осгуда в модификации Петренко В.Ф. (1983) и созданных нами двух опросников. Один из опросников направлен на прямое исследование представлений об успехе на основе разработанных в социальной психологии классификаций видов успеха (Тульчинский Г.А. 1990, Рикель А.М. 2012), тогда как второй был разработан нами для косвенного исследования самооценки успешности подростков. Также мы просили подростков выбрать наиболее значимые для них сферы жизни, привести 5 примеров успешных людей и описать, как они видят себя через 15 лет. Для изучения личностных особенностей подростков нами были использованы: модификация методики определения уровня самооценки Дембо-Рубинштейн, тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО)

Леонтьева Д.А. Результаты использования методики семантического дифференциала показали, что подростки ассоциируют понятие успеха с такими прилагательными, как сильный (-1,98), активный (1,96), приятный (-2,19), счастливый (1,76), оптимистичный (1,74), полезный (-2,02). По мнению подростков, понятию «успех» наиболее всего соответствует характеристика «достижение поставленных целей», что согласуется со словарным определением этого понятия. Также подростки определяют успех как переживание удовлетворения и радости от результата проделанной работы и как личный рост, самосовершенствование. В оценках подростков осмысленности собственной жизни имели место значимые различия, что позволило нам на основе кластерного анализа выделить две группы. В первую группу вошли 152 подростка с низким уровнем осмысленности жизни, имеющие мало устремлений и целей, воспринимающие свою жизнь как не достаточно интересную и осмысленную. Во вторую группу – 176 подростков со средним и относительно высоким уровнем осмысленности, т.е. это подростки, удовлетворенные своей жизнью, которые считают, что уже достаточно многого добились в прошлом и также многого рассчитывают достичь в будущем, чувствующие себя способными построить свою жизнь по своему усмотрению и в соответствии с собственными убеждениями. В результате рассмотрения отличий двух выделенных групп подростков получились интересные и статистически значимые различия ($p < 0.05$) как в их представлениях об успехе, так и в уровне самооценки (реальной, идеальной, отраженной).

Исследование показало, что подростки, оценивающие свою прошлую, настоящую и будущую жизнь как недостаточно осмысленную и свободную, не чувствующие в себе сил управлять своей жизнью, воспринимают себя как мало успешных людей, у них относительно низкая самооценка. Они не чувствуют, что они могут реализовать свои способности и желания в жизни, поэтому сам успех они воспринимают как менее чистый, изменчивый, менее теплый и приятный, также менее веселый и счастливый, неограниченный. Кроме того, подростки с низким уровнем осознанности жизни считают, что успех связан с везением, удачей и характеризуется признанием значимыми людьми сильнее, чем подростки с большим числом смысло-жизненных ориентаций. Интересно, что подростки, ощущающие свою жизнь как более осмысленную, в большей степени

ассоциируют успех со счастьем. Наиболее интересные результаты были получены нами в результате анализа примеров успешных людей. Наибольшее количество примеров успешных людей относится к трем категориям: семья (24%), шоу-бизнес (23% - в основном зарубежные актеры) и бизнес (17% - Билл Гейтс, Стив Джобс). Сфера политики менее популярна (15%), однако именно к данной сфере относится наиболее популярный пример успешного человека – это наш нынешний президент, В.В. Путин. Сферы науки, искусства и спорта редко становятся для подростков источниками примеров успеха (по 7 и 8%).

Таким образом, мы видим, что представления подростков об успехе формируются в основном на основе СМИ, которые показывают нам и рассказывают об успешных предпринимателях, шоуменах и политиках, которые и становятся для современных подростков основными примерами успешных людей. Большую роль также играет семья подростков – многие с гордостью указывают в качестве примеров успешных людей своих родителей, бабушек и дедушек или других членов и знакомых семьи. Значимость семьи для современных подростков также показывают результаты анализа ответов подростков на вопрос о том, какими они видят себя через 15 лет. Одной из наиболее часто встречающихся категорий (54%) была именно семья. Подростки, дававшие развернутое описание своего будущего, в большинстве случаев описывали не только свою будущую семью, но и говорили о детях (в 73%): «выйду замуж, рожу двоих детей», «вижу себя семейным человеком», «успешный семьянин», «успешная женщина, у которой отличный, понимающий муж и двое детей». В описаниях подростков чаще семьи встречалась только категория будущей работы (61%), что может быть связано не столько с большей значимостью карьеры для подростков, сколько с тематикой исследования – успехом. Ценности семьи для старших подростков подтверждают результаты использованной в данном исследовании методики, направленной на изучение значимости для подростков разных сфер их жизни. Подростки должны были ранжировать их в порядке убывания значимости. Результаты исследования показали, что сфера семьи и любви стоит на первом месте. На втором месте для них дружба, а на третьем – личностный рост. Данное исследование позволяет немного дополнить психологическую картину знаний о современных подростках, их представлений об

успехе с учетом особенностей их самооценки и смысло-жизненных ориентаций, их отношения к своей семье, как нынешней (родительской), так и будущей, которую они стремятся создать.

Список литературы

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. – М.; Наука: Смысл, 1999.
2. Лисина М.И. Общение, личность и психическое развитие ребенка / Под ред. А.Г. Рузской. М.; Воронеж, 1997.
3. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.; Издательство Московского университета, 1983.
4. Рикель А.М. Некоторые аспекты социально-психологической проблематики успеха // Вестник Московского университета, сер. 14 Психология, №1, 2012.
5. Тульчинский Г.А. Разум, воля, успех: О философии поступка. Л., 1990.

Исследование взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и типов семьи студентов психологов

Григорьева С.И.

Московский государственный областной университет г. Москва, Россия

GRSW60@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи типов семьи и системы личностных ценностей студентов-психологов. Она раскрывает особенности типов семьи - родовой и городской нуклеарной, а также рассматриваются параметры, определяющие включенность в семейные отношения. Представлены системы ценностей, соответствующие определенному типу семьи.

Ключевые слова: типы семьи, родовая семья, городская нуклеарная семья, детерминация деятельности, функциональный подход, личностные ценности.

На данный момент проблема семьи как детерминирующей системы развития личности приобретает всё большую актуальность, что связано с возникновением нового типа общества. Функция духовного, морального, нравственного и др. развития вновь ложится на семью. Именно поэтому тема значимости и значения семьи в формировании личности человека становится все более востребованной и актуальной. Назрела настоятельная потребность перехода на качественно более высокий уровень исследований роли семьи в развитии личности индивида. Так как по свидетельству множества исследований именно она играет самую главную роль в формировании личности вначале ребенка, а затем взрослого человека.

На семью, как основополагающий фактор социального становления человека, указывают такие отечественные и зарубежные исследователи как С. Кратохвил, Э. Арутюнянц, А.С. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер, В.В.Юстицкий, Е.А. Личко, В.С.Мухина, Е.Т.Соколова, Т.С. Когарян, М. Мид и многие другие.

Родовая система общества обеспечивает не только рождение человека, но и систему его мотивов, смыслов, стремлений и привязанностей, а также играет огромную роль в становлении мировоззрения. А это структурирует жизнь и деятельность каждого человека от рождения до смерти.

Как пишет Кон И.С., на формирование личностных качеств ребенка влияют не только сознательные воспитательные воздействия родителей, но и общий тонус семейной жизни. Он замечает, что если родители живут большими общественными интересами, это способствует расширению кругозора и у детей, которые из услышанных разговоров взрослых извлекают нередко больше уроков, чем из специальных бесед. То есть ребенок, взаимодействуя с обоими родителями, интериоризирует в себя их кругозор, их культуру, интересы (Кон И.С., 2003)

Рассматривая семью в русле функционально-системного подхода, необходимо отметить, что семья – это система, которая локализует в себе наиболее важные общественные функции, необходимые для первоначального формирования и

развития человека. Говоря о семье, мы должны выделить два типа семьи. Традиционная семья – это довольно мощное образование, включающее не только супругов и их детей, но также братьев, сестер, дедушек и бабушек, а также множество других родственников, для определения которых в народной культуре существует множество терминов. Это, по сути дела, целостный родовой ствол или клан, образованный множеством людей и включенный в общую этническую систему. И совсем иное образование – это современная городская нуклеарная семья, состоящая только из родителей и детей или вообще из одного или двух человек. Впервые название «нуклеарная» применил к семье американский социолог Ж.П. Мурдок. В нуклеарной семье супруги и их дети составляют ядро взаимоотношений, а кровные родственные связи отходят на второй план. Традиционная семья – это структура, создающая основу этнической системы. Любые формы деятельности, как производство условий жизни, включаются в логику жизни семьи, обеспечивая ее выживание и развитие. Охотится ли человек, ловит ли рыбу или убирает урожай, строит ли что-то – все это определяется интересами семьи. Такая семья, как целостный, широко разрастающийся организм, организует своими потребностями все формы деятельности. Сама же семья направлена на воспроизводство и развитие рода, живет интересами рождения и воспитания детей, обеспечивает усиление своей этнической системы в природе и в общем пространстве человечества.

Современная городская семья живет совсем иначе. Она включена в современные формы деятельности и производства, которые сами уже никак не включены в ее собственную структуру. Профессиональные деятельности рабочего, ученого или актера создают свои особые пространства взаимоотношений, где люди действуют как участники этих новых форм производства жизни, общаются и создают семьи. Эти семьи формируются в ритмах городской жизни как ее малые элементы, но сами семьи не определяют своей глобальной структурой и напряжениями логику организации общей деятельности. Общество и производство лишь включают в себя семью. Профессиональные деятельности захватывают людей своими мотивами и целями, заданными вовсе не семейной организации. Традиционный тип семьи – это многоуровневая семейная система, лежащая в основе родовых и этнических социальных

систем. Она отличается сложными внутрисемейными и межсемейными отношениями, создающими устойчивую структуру общества (рода, этноса, клана). Современный тип семьи – это локальные семейные системы, включенные в современные формы государственной и профессиональной деятельности. Отличается от традиционной семьи, прежде всего, разрушенностью стабильных межсемейных родовых отношений (Шабельников В.К., 2004).

Согласно культурно-исторической теории Л.С.Выготского и его последователей Л.И.Божович, А.В.Запорожца, Л.А.Венгера и др., психика имеет внешнюю детерминацию, при этом важную роль играют межсубъектные отношения. Не каждый человек будет значимым для другого, а только тот, кто помогает в его саморазвитии, принимает судьбоносные решения (Выготский Л.С., 1960).

Мировой опыт исследования ценностей предлагает различные подходы к этой проблеме. Г. Олпорт и другие ученые основываются на системе интересов, фундаментальных для формирования структуры ценностей. Он также утверждал, что философия основана на ценностях, то есть на убеждении человека в том, что поистине важно в жизни, а что - нет. Полагая, что усилия человека найти порядок и смысл в жизни определяются ценностями. По А. Маслоу у современного человека существует три уровня ценностей: 1) Общечеловеческие, на которых формируются ценности, «общие для всех здоровых людей», поскольку порождаются они фундаментальными потребностями нашего организма; 2) Уровень ценностей определенных групп людей; 3) Уровень ценностей «специфических индивидов». Ценность оказывалась, таким образом, избирательной установкой, производной от потребностей, а иногда попросту отождествлялась с ними, «потребности или ценности связаны друг с другом иерархически и эволюционно» (Маслоу А., 1997).

Основополагающими ценностями культуры, которые взрастили людей, А. Маслоу считает: честность, гуманизм, уважение к личности, служение обществу, демократическое право каждого человека на свободу выбора, право на жизнь, право на получение медицинской помощи, взаимопомощь, порядочность, справедливость и т.д.

В современной литературе выработаны различные подходы к определению понятия «ценности». Однако до сих пор нет однозначного понимания ценности. Ряд

авторов предложили различать два класса ценностей – ценности цели жизнедеятельности или терминальные ценности и ценности принципы жизнедеятельности или инструментальные ценности.

М. Рокич определяет ценности как выделяет два класса ценностей: ценности-цели (терминальные) и ценности-средства (инструментальные). Это деление носит условный характер. Человеческие ценности, по мнению М. Рокича, характеризуются следующими основными признаками: 1) Общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико; 2) Все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени; 3) Ценности организованы в систему; 4) Истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах и личности; 5) Влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения. Многие авторы говорят о взаимосвязи ценности и потребностей.

По мнению А. Маслоу, за каждым осознанным человеческим желанием, «стоит какое-то другое, более функциональное желание, которое правильнее было бы назвать целью или ценностью». Ценности отдельного человека являются таковыми лишь в отношении его потребностей и интересов. Поэтому В.П. Тугаринов говорил, что первым существенным признаком, по которому можно определить понятие «ценность» это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов. В.А. Василенко прямо подчеркивает связь категории ценности с понятием значимости, а также с потребностями, интересами, стремлениями, идеалами.

Некоторые авторы рассматривают ценности в связи со смыслом. По Г.Олпорту, ценности - это некий личностный смысл. Ребенок осознает ценность всякий раз, когда смысл имеет для него принципиальную важность. Ценность - это «категория значимости», а не «категория знания». Зубов О.Е. рассматривает ценности как непреложные факты бытия человека, что приобретает для человека смысл в его жизнедеятельности, что является существенным. Б.С. Братусь определяет ценности личности как осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни. Яковлев В.В., рассматривая смысловую структуру внутреннего мира личности (смысловые сферы), говорит об источниках смыслов, в которые включает потребности, ценности, отношения.

Куницына В.Н. рассматривает ценности как идеи, идеалы, цели, к которым стремится человек и общество. Существуют общепринятые ценности: универсальные (любовь, престиж, уважение, безопасность, знание, деньги, вещи, свобода, здоровье); внутригрупповые (политические, религиозные); индивидуальные (личностные). Ценности объединяются в системы, представляя собой определенную иерархию структуру, которая меняется с возрастом и обстоятельствами жизни. Одновременно в сознании человека существует не более дюжины ценностей, которыми он может руководствоваться. Некоторые авторы связывают ценности с субъектно-объектными отношениями, где объект (материальный или духовный) вступает в отношения и является значимым для субъекта (человека или социума).

А.К.Саитова придерживается такого определения ценностей: «Ценности - явления объективной действительности с качеством, не зависимым от субъекта, но не само по себе, а в своей значимости для субъекта. Иначе говоря, ценность есть объект потребностей субъекта, явления объективной действительности в его способности при приобщении к нему (при его употреблении при использовании)». Ценности, по мнению С.А. Касаткиной, могут выступать в качестве норм, целей и идеалов, то есть регуляторов межсубъектных отношений именно потому, что являются их отражением в ценностных формах сознания, определяющих уровень культуры. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, предопределяет и влияет на структуру потребностей и интересов.

Интересен подход Ф.Е. Василюка к проблеме ценностей, который считает, что ценность не может быть сведена ни к норме, ни к установке. «ценность - это не предмет моего желания или потребности, не мотив, потому что мотив всегда «корыстен», мотив всегда «мой», «твой» или «его», и во мне он борется только за свой интерес. Ценность же, во первых, может быть «наша», во-вторых, и в интрапсихическом пространстве внутри личности она выполняет не дифференцирующие, а интегрирующие, собирающие, «оцельняющие» функции. Это не означает, что она объединяет все без разбора. Ценность - это не эмоция. Эмоция капризна и неустойчива, зависит от сиюминутной ситуации и сиюминутного состояния, ценность же стабильна, устойчива, надситуативна. Ценность - не правило, не норма. Норма существует как нечто внешнее, пришедшее

извне, как долг, более или менее внедренный в меня, даже сросшийся со мной, но всегда ощущаемый как имплантация другого или других в меня. Источник же ценности внутренний, она переживается как рождающаяся изнутри». По мнению Ф.Е. Василюка, ценность - это тайна, которую нельзя раскрыть и разгадать. В обыденном сознании ценность может являться в отблесках чувства, и в регулятивном правиле, и в значимости предмета, и множества других форм и отражений, на которые в основном и ориентируется человек, решая проблему выбора.

Практически все авторы, рассматривающие вопрос функции ценностей, сходятся на том, что ценности являются, прежде всего, регулятором человеческой деятельности, но различным образом: как нормы, как идеалы, как критерии выбора и оценки нравственных действий (М.И. Бобнева, Л.И. Божович, Д.А. Леонтьев, В.А. Ядов).

В.К. Боярчук, изучая динамику в иерархии ценностных ориентаций в зависимости от возраста и курса обучения студентов, определил, что к 22-23 годам появляется ценность семейной жизни, а к 24 годам - ценность действия.

Л.А. Поварницына, исследуя связи ценностных ориентаций с выбором профессии студентами педагогических вузов, определила, что у 36,2% проявляется профессиональная дезориентация. И.И. Шеремет проанализировал особенности ценностных ориентаций первокурсников на различные виды деятельности в вузе. Выводы, полученные автором, свидетельствуют о том, что студенты плохо осведомлены о конечном результате своей деятельности, слабо представляют то, каким должен быть современный специалист.

Автором было проведено исследование жизненных ценностей и их взаимосвязи с типами семьи у студентов 3 курса педагогического университета факультета психологии. Результаты этих исследований подтвердили, что существует взаимосвязь между типами семьи и жизненными ценностями. Так в родовой семье преобладают такие ценности как любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь. А в городской семье ценности оказались совершенно другими: активная деятельная жизнь, уверенность в себе, развитие себя, свобода.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М., 1960.
2. Кон И.С. Ребёнок и общество. М.: Академия, 2003.
3. Шабельников В.К. Функциональная психология. М., 2013.
4. Шабельников В.К. Функциональная психология. Гл. Социо-биосферная детерминация личности. М., 2004.

Роль эмоционального взаимодействия матери и дочери в формировании представлений о материнстве у девушек-студенток

Дейниченко Л.Б.

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Luba_deyn@mail.ru

Ключевые слова: представления о материнстве, самоопределение в отношении материнства, эмоциональное взаимодействие матери и дочери

В настоящее время родительство занимает далеко не первое место в иерархии ценностей молодых девушек. Новая модель личности, предполагающая стремление к высокому профессионализму, карьере, благосостоянию, не всегда вписывается в модель родительства. Девушки-студентки, получающие высшее образование, эмоционально откладывают свое «материнство» на будущее, т.к. обучение в ВУЗе, требует полного сосредоточения на профессиональном саморазвитии. Совмещение обучения и материнства требует определенных объективных условий (материальное благосостояние, помощь близких), но прежде всего, здесь необходима личностная готовность девушки к изменению своего социального статуса и преодолению всех тех сложностей, которые неизбежно встанут на пути студентки-матери. Для того, чтобы девушка-студентка

приняла решение стать матерью, важен тот образ материнства, который сформировался у нее к этому времени.

Вопрос о механизмах, закономерностях и условиях формирования представлений о материнстве у девушек до сих пор является актуальным. Исследование процессов становления родительства у молодежи, готовности стать родителями – это одно из важных направлений решения демографической проблемы средствами психологической науки. Потеря традиционных способов передачи опыта детского-родительского взаимодействия, характерных для патриархальной, расширенной семьи и уменьшение количества детей в семье приводит к тому, что девушки на пороге родительства оказываются неосведомленными об элементарных особенностях развития ребенка и своих функциях в уходе за ним.

Мать как первая, встречающая ребенка в этой жизни еще на этапе пренатального материнства, начинает ощущать потребность в повышении своей родительской компетентности, осознает, что должна быть готова к выполнению материнских функций. Женщина интересуется тем, что она должна чувствовать, какую роль это играет в развитии ребенка, зачем ей это надо самой и что надо делать для развития этих чувств. Психологическая готовность женщины к материнству еще до рождения ребенка не только позволяет легче переносить беременность, но и принять ребенка после его рождения, с любовью растить и воспитывать его и в дальнейшем.

Родительство как социально-психологическое явление признается многими авторами интегральным психологическим образованием, включающим совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания. Каждый из перечисленных выше компонентов содержит когнитивные, эмоциональные и поведенческие составляющие (Овчарова Р.В., 2005). Большинство исследователей сходятся во мнении, что именно родительские семьи выступают в качестве образца или антиобразца родительского поведения. Однако влияние родительской семьи обязательно проходит через призму собственных взглядов и убеждений ребенка, его жизненного опыта и индивидуальных особенностей. Стиль семейного воспитания по отношению к ребенку, полноценность эмоциональных связей между ребенком и родителями также

становятся фильтрами, через которые взгляды отца и матери на родительские функции проникают в сознание ребенка.

Проблема становления родительства в студенческом возрасте должна рассматриваться в контексте общих возрастных задач развития в юности, основных психологических новообразований данного возраста. Самыми важным новообразованием юности является достижение социальной зрелости, понимаемой как овладение полным комплексом социальных функций взрослого человека, формирование новой взрослой идентичности. Для достижения социальной зрелости молодому человеку нужно разрешить проблему личностного самоопределения — основную задачу развития в юности. Самоопределение предполагает активное определение своей позиции относительно общественно выработанной системы ценностей и выяснение на этой основе смысла собственного существования в различных жизненных сферах: профессиональной, общественной, семейной, родительской (Гинзбург М.Р., 1994).

По мнению многих исследователей, развитие в юности имеет кризисный характер. Наиболее остро «кризис встречи со взрослостью» выражен у студентов, у которых он растянут во времени: от окончания школы (детства) до поступления на работу (взрослая жизнь). Все это время происходит осмысление важнейших вопросов выбора собственного жизненного пути. Роль студенческого периода для развития человека двояка. Студенческий период, давая время молодому человеку на осмысление важнейших вопросов выбора собственного жизненного пути, может стимулировать его развитие, тем самым снизить остроту протекания последующих жизненных кризисов. Но может содействовать закреплению инфантильной позиции, страху перед будущей взрослой жизнью и собственной самостоятельностью.

Приведенные выше рассуждения мы считаем важными для анализа представлений молодежи о родительских функциях и предполагаем, что в представлениях девушек-студенток об «идеальном родителе» должна отразиться система представлений их матерей о родительстве. Однако, прямой перенос материнских знаний о родительстве невозможен, знания обязательно опосредованы детско-родительскими отношениями, специфика которых регулирует степень согласованности «образа родителя» у обоих поколений. Одним из важных регуляторов трансляции взглядов от старшего поколения к

младшему является степень удовлетворенности детей эмоциональным взаимодействием с родителями. Мы предположили, что существует единство, согласованность представлений о материнстве при позитивном эмоциональном взаимодействии матери и дочери. Представим результаты исследования, направленного на доказательство данного предположения.

В качестве испытуемых выступили 72 диады «мать – дочь студенческого возраста». Средний возраст матерей 45 лет, возраст дочерей – 18-21 год. Все девушки-студентки учились в гуманитарных ВУЗах, еще не имели собственных семей, проживали либо с родителями, либо в общежитии.

Необходимо было выявить особенности представлений девушек-студенток об «идеале матери», о наиболее значимых качествах матери. Для этого мы, на основе исследования Р.В.Овчаровой (2005), выделили 25 содержательных характеристик материнства, и предложили испытуемым проранжировать их в зависимости от степени важности в структуре родительства. При этом ранжирование характеристик девушки проводили относительно 2-х ситуаций: 1. выявление значимости каждой из характеристик родительства для «идеальной матери» (идеальная мать в глазах дочери (ИМ-Д)); 2. ранжирование данных характеристик родительства относительно собственной матери (реальная мать в глазах дочери (РМ-Д)). Далее процедуру ранжирования тех же самых характеристик осуществляли и матери каждой испытуемой студентки. Матери должны были: 1. определить значимость каждой из характеристик родительства для «идеальной матери» (идеальная мать в глазах матери (ИМ-М)); 2. оценить значимость каждой из характеристик родительства в своем собственном материнском поведении (реальная мать в глазах матери (РМ-М)).

Мы выявляли степень схождения, согласованности представлений о материнстве у студенток и их матерей (ИМ-Д / ИМ-М и РМ-Д / РМ-М). Кроме того, сравнивая представления студенток об «идеальной матери» с образом собственной матери (ИМ-Д / РМ-Д), мы могли выявить степень принятия испытуемыми поведения своей матери. Уже это позволяло нам судить об оптимальности семейных отношениях внутри диады «мать-дочь».

Для выявления характера эмоционального компонента детско-родительского

взаимодействия в качестве основы мы воспользовались методикой Е.И.Захаровой (2002) - опросник ОДРЭВ. Опросник был адаптирован к целям нашего исследования и предлагался как студенткам, так и их матерям, которые должны были оценивать реально существующие внутрисемейные отношения в диаде «мать-дочь». В результате корреляционного анализа было выявлено, что в диадах, где эмоциональное взаимодействие оценивалось позитивно и дочерью, и матерью, уровень согласованности профилей «идеальной матери» был высоким, в диадах с негативным эмоциональным взаимодействием - единства представлений об «идеале матери» не было. Недостаток любви к ребенку, отсутствие безусловного принятия ребенка, неспособность к оказанию эмоциональной поддержки – именно это испытывают девушки данной группы в отношениях со своими достаточно прагматичными матерями.

Остается открытым вопрос об устойчивости выявленного образа «материнства» у студенток данной группы. Данное исследование не раскрывает, носит ли этот образ матери компенсаторный характер, как проявление неудовлетворенных потребностей девушек в любви и принятии, или это уже сформированное отношение к материнству, которое будет реализовываться девушкой в дальнейшем.

Однако проведенное нами ранее изучение представлений первокурсниц и выпускниц ВУЗов о качествах матери выявили различия во взглядах по нескольким показателям (Дейниченко Л.Б., 2006). Студентки 1 курса считали, что мать должна проявлять больше доверия к ребенку, не критиковать его, а высоко оценивать его достижения. Студентки 5 курса больший акцент, чем студентки 1 курса, ставили на обязанности матери воспитывать ребенка, не баловать его, быть рядом с ним. Это свидетельствует о большей социальной зрелости выпускниц, их идентификации с родительской позицией при оценке детско-родительских отношений. Первокурсницы же давали ответы с позиции взрослеющего ребенка, требующего от матери понимания, желающего не критических оценок, а одобрения своих достижений. Результаты исследования показали, что в студенческом возрасте происходит смена позиции молодых людей с детской на взрослую в отношениях «родитель-ребенок», как следствие, родительские качества начинают оцениваться не с позиции «ребенка», а с позиции «родителя».

В настоящее время мы проводим сравнительное исследование отношения студенток 1-2 курсов и 4-5 курсов к возможности стать матерью в процессе получения высшего образования и возможности совмещения обучения в университете с воспитанием ребенка. Как показывает предварительный анализ уже полученных результатов, для студенток начальных курсов получение образования является более значимым, чем создание семьи и рождение детей, которое почти все из них откладывают на пока неопределенное время (надо закончить университет, устроиться на хорошую работу, купить квартиру и т.п.). Подавляющее большинство отрицают возможность, либо продуктивность обучения при его совмещении с воспитанием ребенка, роль матери-студентки по отношению к себе многие из них категорически отвергают, отношение к студенткам, имеющим детей, достаточно неодобрительное («зачем так жизнь усложнять», «ребенок маму не видит»). Студентки старших курсов менее категоричны, отношение к студенткам, имеющим детей, было разным: высказывалось и неодобрение, и восхищение. К рождению собственного ребенка отношение старшекурсниц было также разным. Наряду с нежеланием стать матерью в ближайшие 3-5 лет, появились девушки, которые относились к рождению ребенка как возможной реальности. Все приведенные выше исследования свидетельствует о том, что в студенческом возрасте у девушек изменяется отношение к себе как будущей матери, представления о материнстве становятся более зрелыми и реалистичными, обуславливая личностное самоопределение в отношении материнства, способствуя формированию психологической готовности к выполнению функций матери.

Список литературы

1. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков //Г.В. Бурменская, Е.И. Захарова, О.А. Карабанова и др. – М.: Академия, 2002. – 416 с.
2. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения //Вопросы психологии, 1994. № 3.- С. 43-52.
3. Дейниченко Л.Б. Динамика идеалов и ценностей родительского поведения в представлениях студенческой молодежи // Психология образования: культурно-

исторические и социально-правовые аспекты. Материалы Национальной научно-практической конференции.- М., 2006. Т.1. – С.170-172.

4. Овчарова Р.В. Психология родительства: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2005. – 368 с.

Совладание с трудностями завершения романтических отношений у подростков: применение методики IOS «Включенность Другого в шкалу Я-концепции»

.Захарченко Д.Н., Крюкова Т.Л.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова,

Кострома, Россия

darya.zakharchenko.95@mail.ru, tat.krukova44@gmail.com

Подростковый возраст не случайно считают сложным, переломным, критическим возрастом, возрастом эмоционального неблагополучия и сильных привязанностей, увлечений, любви (Варга, 2006; Обухова, 2004; Крайг, Бокум, 2005; Реан, ред., 2002 и др.). Это стадия развития между детством и взрослостью, которая характеризуется качественными изменениями, связанными с половым созреванием и вхождением во взрослую жизнь (Эриксон, 1996; Харламенкова, 2004). По словам Кона, юность — период завершения физического созревания человека, бурного роста его самосознания, формирования мировоззрения, выбора профессии и начала вступления во взрослую жизнь (Кон, 1979).

Одной из главных потребностей в подростковом возрасте является потребность в общении, принадлежности, эмоционально-личностных связях с другими (Боулби, 2004; Гозман, 1988; Кон, 1988; Регуш, ред., 2005). Нередко общение с близкими людьми, с семьей, общение сводится до минимума.

Особо возрастает в подростковом периоде значение групп сверстников. Тинэйджеры ищут поддержки от других, чтобы справляться с физическими,

эмоциональным социальными изменениями подросткового возраста. Возрастает близость в однополой дружбе, а также формируются и дружеские отношения с представителями противоположного пола (Крайг, 2005). Иногда знакомство перерастает не просто в дружеские отношения, а в любовь-страсть. Такая любовь зачастую представляет собой невероятное смешение экстаза и тревоги, возвышенных чувств и боли (Майерс, 1997). У подростков начинается период первых романтических отношений.

Романтические отношения - высоко избирательные и относительно устойчивые отношения между мужчиной и женщиной, основанные на сильных положительных эмоциях, физиологически обусловленные сексуальными потребностями и выражающиеся в стремлении каждого из партнеров быть уверенным во взаимности чувств (Кроник, Кроник, 1989, Екимчик, 2013).

У девочек интерес к противоположному полу возникает раньше, чем у мальчиков: о собственных симпатиях тайно сообщается единственной подруге, но часто и группе сверстниц. Даже при взаимных симпатиях открытые дружеские отношения проявляются редко, так как для этого подросткам необходимо не только преодолеть собственную скованность, но и быть готовым противостоять насмешкам и поддразниванию со стороны сверстников (Кон, 1988, Мухина, 2000).

Охлаждение страстной романтической любви зачастую приводит к разочарованию, в особенности тех, которые считали такую любовь существенно необходимой как для заключения брака, так и для его стабильности в дальнейшем (Майерс, 1997).

Завершение романтических отношений – реальная стрессовая ситуация и трудность на жизненном пути подростков, не имеющих развитых социальных навыков. Распад эмоциональных отношений является для человека исключительно тяжелым переживанием и оказывает серьезное деструктивное воздействие на его психическое и соматическое состояние (Боулби, 2004; Кроник и Кроник, 1989; Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005). Это реально трудная жизненная ситуация для многих подростков, требующая совладания, эмоциональной, когнитивной и поведенческой перестройки.

Тема совладающего поведения в романтических отношениях у подростков актуальна в связи с тем, что жизнь подростка в подобного рода отношениях настолько динамична, сложна и противоречива, что ему постоянно приходится преодолевать разного рода препятствия и сложности, находить наиболее выгодные выходы из трудностей. Все чаще в наше время юноши и девушки не справляются с эмоциями, которые появляются у них после завершения отношений, все чаще случаются суициды в подростковом возрасте именно из-за завершения романтических отношениях (Alexander, 2008; Крюкова, 2013; Реан, ред., 2002; Регуш, ред., 2005; Харламенкова, 2004).

Цель данного исследования – выявить и описать особенности совладания с трудностями завершения первых романтических отношений у подростков.

Среди задач назовем следующие:

1. Выяснить особенности совладания с трудностями завершения первых романтических отношений у подростков; 2. Выявить уровень близости и интимности романтических партнеров - подростков в первых романтических отношениях как возможный фактор переживания стресса при их разрыве/завершении, апробируя методику *IOS – Inclusion of Other in the Self Scale* или «Включенность Другого в шкалу Я-концепции» в сочетании с интервью. Мы предположили, что некоторые подростки воспринимают завершение первых романтических отношений как трудность или стрессовую ситуацию разного уровня сложности, совладая с которой, они отличаются стратегиями поведения с переживаниями и стрессом. Данные стратегии связаны со степенью психологической близости/интимности Другого по отношению к субъекту романтических отношений или с тем, насколько сильно испытуемый «впускал» романтического партнера в свою жизнь, и поменялось ли это с завершением отношений.

В пилотажном исследовании добровольно приняли участие 20 человек (10 юношей и 10 девушек) в возрасте 17-22 лет, средний возраст – 19,9 лет. Все они имели опыт завершенных первых романтических отношений некоторое время назад. На момент

начала их романтических отношений лет испытуемым было: 13-15 лет (11 чел.), 16 -19 лет (8 чел.); на момент их завершения: 14-16 лет (12 чел.), 17-20 лет (6 чел.), 21-23 года (3 чел.). Романтические отношения длились меньше года у 10 чел., 1-2 года у 6 чел., и более двух лет у 4 человек.

Метод

Использовались: интервью, направленное на изучение качества романтических отношения; особый интерес и главную цель описания в данной статье представляла апробация *IOS – Inclusion of Other in the Self Scale* или «Включенность Другого в шкалу Я-концепции» авторов А. Арон, Э. Арон, и Д. Смоллан, 1992.

Она представляет собой проективный рисунок как способ измерения степени психологической близости Другого к субъекту, направленный непосредственно на чувство межличностных взаимосвязей. Он предлагает 7 вариантов расположения пар колец, по сути, это разновидность социометрии Дж. Леви Морено. Шкала имеет целью выявление чувства взаимосвязанности одного человека с другим. Это чувство может возникнуть из различных процессов, как сознательных, так и бессознательных, и включение Другого в себя может быть или не быть одним из таких процессов. Предназначение шкалы – отражение восприятия респондентом своих отношений (Aron, Aron, Smollen, 1992).

Ранее было установлено, что подобные диаграммы могут быть использованы в качестве меры близости. Близость и объем перекрываемой области тесно связаны со значениями по шкале любви и дружбы (Pipp и др., 1985 – см. Aron, Aron, Smollen, 1992). Идея близости как перекрывающихся друг друга «самостей» свойственна довольно широкому спектру подходов к близости в социальной психологии (Майерс, 1997).

Понятие близости как области перекрытия Я было достаточно популярно, начиная с Джемса (1890/1948). Например, Юнг (1925/1959) подчеркивал важность отношений партнеров для развития недоступных сторон души, обретения большей целостности. Маслоу считал, что любящие люди могут быть «соединены в одно целое» (1967, с. 103). С точки зрения символического интеракционизма, МакКолл описал привязанность как

включение действий и реакций Другого в содержание различных концепций собственного Я (McCall, 1974).

Специфическое определение близости как включенности Другого в свое Я (Agon и Agon, 1986; Agon, и др., 1991), на котором и построена шкала включенности, подразумевает, что в близких отношениях человек ведет себя так, как будто некоторые или все особенности партнера частично являются и его собственными. Дополнением может выступать ощущение некоторой общности себя и Другого.

По шкале включенности IOS респонденты выбирают картинку, наиболее полно отражающую их отношения. Картинки представляют собой набор диаграмм Вена, представляющих различные степени перекрытия двух кругов. Фигуры нарисованы таким образом, что общая площадь каждого рисунка остается постоянной (таким образом, когда увеличивается область перекрытия, увеличивается и диаметр), и степень перекрытия увеличивается линейно, создавая семишаговую, равноинтервальную шкалу.

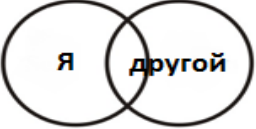

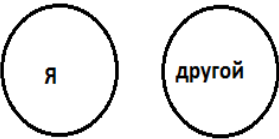
В исследовании мы устанавливали с помощью данного метода роль близости/интимности и психологической дистанции с романтическим партнером, как это связано с последствиями – совладанием с разрывом отношений. Затем результаты перепроверялись в интервью.

В ходе исследования мы модифицировали данную методику, добавив 2 набора диаграмм и дав каждому свои названия.

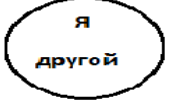
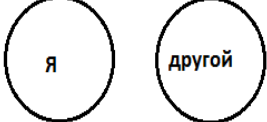
Испытуемым предъявлялось два рисунка, в каждом из которых было девять картинок, представляющих собой диаграммы, символизирующие Я и Другого. В первом случае (на первом рисунке) предлагалось обвести ту картинку, которая лучше всего описывает отношения испытуемого с романтическим партнером *во время первых романтических отношений*, во втором (на втором рисунке) – ту, которая лучше описывает отношения с партнером *после завершения* первых романтических отношений

Результаты и их обсуждение

1 случай: близость во время отношений

Рисунок	Кол-во ответов
	2
	0
	0
	5
	2
	3
	5
	2
	0

2 случай: близость после завершения отношений

Рисунок	Кол-во ответов
	3
	3
	0
	0
	0
	0
	0
	0
	14

Описывая результаты, мы также опираемся на данные интервью. Часть испытуемых (5 чел.) в первом случае отметила картинку №7, которую мы

метафорически назвали «потеря собственной личности». Это говорит о том, что испытуемые были зависимы от своих партнеров, отношения «Мы» намного вытеснили собственное «Я», испытуемые намного больше уделяли внимания романтическим отношениям, партнеру, нежели себе, им не хватало времени и сил на свои личные дела, так как вся энергия была направлена на отношения. Еще одна часть испытуемых (5 чел.) выбрала картинку №4 «Взаимосвязи», что означает, что партнеры находятся в выгодных взаимосвязях друг другом, на паритетной психологической дистанции. Они больше уделяют времени себе. Они с радостью проводят время вместе, вместе что-то делают, но никогда не жертвуют своим личным временем или силами для отношений. Отношения строятся на взаимной выгоде и удобстве. Другая часть испытуемых (3 чел.) выбрала картинку № 6 «Потеря собственных границ». Можно предположить, что в романтических отношениях «Мы» захватывает каждое «Я». Это не вредит ни одному из партнеров, но все же в каких-то случаях испытуемый может пренебречь своими личными делами, своим временем ради отношений, готов в чем-то где-то уступить партнеру. Следующие испытуемые (2 чел.) выбрали картинку №8 «Полное слияние», об их отношениях можно сказать, что каждый испытуемый мог быть полностью зависим от своего романтического партнера, их психологические границы размыты. Всегда жертвовал чем-то своим ради партнера. Малейшая разлука, ссора приводили его к большому стрессу. Постоянно присутствовал большой страх потерять партнера. «Это доходило до сумасшествия», по высказыванию испытуемого. Казалось, что ничего кроме этих отношений вокруг не существует. Человек ничего не замечал, не слышал, был весь в мыслях и чувствах о своем партнере. Другие испытуемые (2 чел.) выбрали картинку № 5 «Гармония» - «Мы» равно «Я». Можно сказать, что партнеры уделяли время друг другу столько же, сколько и личным делам. Они не нарушали личностное пространство друг друга, «отдавали» друг другу одинаково, не лезли в жизнь вне отношений друг друга. Царила гармония, покой и взаимопонимание. И, наконец, 2-е испытуемых выбрали картинку № 1 «У каждого свои границы», что означает, что испытуемый закрыто себя вел по отношению к своему партнеру: не все доверял, не все рассказывал, не впускал в свою жизнь, которая находится за границами их романтических отношений. Они вместе проводили время, но испытуемый не мог довериться полностью, между

ними были недопонимания, недомолвки, много недосказанного. Партнеры находились рядом, но не вместе.

Что касается второго случая, в котором испытуемые выбирали картинку, которая бы наилучшим образом описывала их отношения с романтическим партнером после завершения их отношений, то, испытуемые выбрали картинку №1 «У каждого свои границы» (3 чел.). После завершения отношений испытуемый стал закрыто себя вести по отношению к своему партнеру: меньше доверять, рассказывать, перестал впускать партнера в свою личную жизнь; №2 «Я больше чем Мы» (3 чел.). Эти испытуемые после завершения отношений с романтическим партнером стали отдаляться от них, но все же, не переставали общаться, где-то что-то рассказывали, чем-то делились, но не многим, возможно, самым неважным, уделяли бывшим партнерам мало времени, может быть, даже избегали встреч с ними; №9 «Дистанцирование» (14 чел.): у испытуемого появилась большая дистанция от романтического партнера, независимость. Испытуемый больше не нуждается в общении, встречах с ним. Но, возможно, присутствуют какие-то мысли об этом человеке, воспоминания из прошлого, малозначительные, «есть и есть».

Таким образом, следует отметить, что после завершения отношений в большинстве случаев испытуемый так или иначе дистанцировался от своего бывшего романтического партнера, стал холоднее к нему, перестал жертвовать своим «Я» ради «Мы». Также, результаты данного исследования мы сопоставили с ответами интервью, проведенным ранее для данной выборки. Результаты Шкалы IOS (Включенности Другого в Собственное Я) символически олицетворяют ответы испытуемых на вопросы интервью. Юноши и девушки, выбрав картинку №9 «Дистанцирование» во втором случае (после завершения романтических отношений) говорили о том, что они достаточно долго и сильно переживали завершения своих первых романтических отношений. Их ответы подчеркивали, что испытуемые отнеслись к завершению отношений не как к нормативной ситуации, для них расставание стало большим стрессом. Завершение отношений сильно повлияло на их психическое состояние, они «были на грани», им было очень тяжело пережить сложившуюся ситуацию, не видели дальнейшего смысла в жизни. А те испытуемые, которые и в первом и во втором случае выбирали картинки №1, №2, говорили, что к завершению своих романтических

отношений они отнеслись с легкостью или даже с облегчением. Завершение романтических отношений для них не стало трудной стрессовой ситуацией, они восприняли это как норму.

Завершение романтических отношений – реальная стрессовая ситуация и трудность на жизненном пути подростков, не имеющих развитых социальных навыков. Распад эмоциональных отношений является для человека исключительно тяжелым переживанием и оказывает серьезное деструктивное воздействие на его психическое и соматическое состояние (Боулби, 2004; Кроник и Кроник, 1989; Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005). Мы выяснили, что большинств подростков справиться со своими негативными эмоциями после завершения романтических отношений было довольно непросто. Справлялись они по-разному: одни старались больше времени проводить со своими друзьями, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, другие обращались к психологам.

В целом, все испытуемые совладали с ситуацией завершения романтических отношений. Самыми трудными были 3 случая, когда возникали мысли о суициде, но к специалистам они не обращались.

Кроме того методику «Включенность Другого в шкалу Я-концепции» также использовала В. Никитина, студентка для своего исследования (27 испытуемых). Эта методика была проведена ею с целью выяснения, как юноши и девушки представляют свою будущую супружескую жизнь, насколько сильно испытуемые могут «впустить» своего супруга в свою жизнь. Перед испытуемыми был представлен рисунок из семи картинок, представляющих графическое соотношений кругов, символизирующих Супруга и Супругу. Испытуемым предлагалось выбрать ту картинку, которая наиболее точно описывала бы их будущие супружеские отношения. В этом исследовании большинство юношей (5 чел.) выбрали картинку №6 «Потеря собственных границ», также многие юноши (4 чел.) выбрали картинку №5 «Гармония» - «Мы» равно «Я». Некоторая часть испытуемых (2 чел.) выбрали картинку №4 «Взаимосвязи» и всего 1 юноша выбрал картинку №3 «Контролирование границ». Результаты ответов девушек отличаются от ответов юношей. Большинство девушек (6 чел.) выбрали вариант №7 «Потеря собственной личности», часть девушек (3 чел.) выбрали картинку №6 «Потеря

собственных границ», другая часть девушек (3 чел.) выбрали картинку № 5 «Гармония», еще одна часть девушек (3 чел.) выбрали картинку №3 «Контролирование границ», небольшая часть опрошенных девушек (2 чел.) выбрали вариант №4 «Взаимосвязи», и всего одна девушка выбрала картинку № 1 «У каждого свои границы». Из чего следует вывод, что девушки представляют свою супружескую жизнь более слаженной, а степень близости с партнером большим. Они готовы «впустить» в свою жизнь мужчину ближе, чем их ровесники противоположного пола. Девушки готовы жертвовать большим ради своих будущих супругов, нежели юноши, готовы отдавать супружеской жизни больше своего личного времени.

Таким образом, можно говорить о том, что данная методика работает с разными целями и выборками - выясняет то, как испытуемые представляют свою будущую жизнь или то, как они оценивают свое прошлое, свои прежние романтические отношения.

Мы можем сказать о том, что сделан первый шаг на пути исследования совладания с трудностями завершения первых романтических отношений у подростков. Исследование имеет немало ограничений, например, невозможность получить более глубокое представление о близости, интимности испытуемых в их романтических отношениях, невозможность более подробно и точно описать отношения испытуемых, недостаток адаптации для русскоязычной выборки. Необходимы исследования для усовершенствования и объективизации Шкалы IOS («Включенность Другого в шкалу Я-концепции») для полноценной адаптации ее для русскоязычной выборки.

Список литературы

1. Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей: пер. с англ. М.: Академический проект, 2004.
2. Варга, А.Я. и др. Современный ребенок. Энциклопедия взаимопонимания / ред. А.Р. Зарецкий. – М.: Изд-во ОПИ, 2006.
3. Василюк, Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) - М.: Изд-во Московского университета, 1984.
4. Гозман, Л.Я., Ажгихина, Н.И. Психология симпатий. – М.: Знание, 1988.

5. Екимчик, О.А., Григорова, Т.П., Смирнова, Н.С. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. – Т.19. - №3. С. 144 – 150.
5. Крайг, Г., Бокум, Д. Психология развития. – СПб.: Питер, 2005.
6. Кон, И.С., Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности). – М.: Просвещение, 1979.
7. Кроник, А.А., Кроник, Е.А В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. – М.: Мысль, 1989.
8. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова Т. 19. № 5. – Кострома, 2013. С. 184-188.
- 9 Крюкова, Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк, Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними – СПб: Речь. 2005.
10. Майерс, Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997.
11. Обухова, Л.Ф. Детская (возрастная) психология – М.: Педагогическое общество России, 2004.
- 12.Реан, А.А. (Ред.) Психология подростка. Полное руководство. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
- 13.Психология современного подростка / Под ред. Л.А. Регуш, СПб, 2005.
- 14.Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011.
- 15.Харламенкова, Н.Е. Самоутверждение подростка. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
16. Эриксон, Э.Г. Идентичность: Юность и кризис.- М.:Изд-ва Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006.
17. Alexander, A.L. (2008). Relationship resources for coping with unfulfilled standards in dating relationships: Commitment, satisfaction, and closeness // Journal of Social and Personal Relationships, October 2008; vol. 25, 5: pp.725-747.

18. Aron, A., Aron E. N., & Smollan, D. (1992). Inclusion of other in the self scale and the structure of interpersonal closeness // *Journal of Personality and Social Psychology*, 63, 596-612.

Опыт использования проективной методики «Рисунок на тему “Развод”» в исследовании отношения к разводу молодых супругов в период ранней взрослости.

Коньшина Т.М.

Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

konshtan@gmail.com

В современной психологии развод рассматривается как ненормативный кризис семьи (4). В последние два десятилетия, в постперестроечный период развития общества в России, семейные ценности претерпевают значительные изменения, и нам представляется важной темой исследование отношения молодых супругов к семье и разводу.

В исследовании приняли участие двадцать пять супружеских пар, из которых девять состоят в зарегистрированном браке и шестнадцать – в фактическом. Возраст испытуемых относится к периоду ранней взрослости по периодизации Э.Эриксона – 20-25 лет. Отметим, что среди испытуемых не было людей с художественным образованием.

В работе был проведен анализ семейных систем испытуемых по моделям Д. Олсона (2000) и МакМастера (1984) (Э.Г. Эйдемиллер). Отношение испытуемых к семье и разводу исследовалось с использованием следующих методик: «Анкета» (авторская), «Незавершенные предложения» (модифицированный вариант), а также проективной методики «Рисунок на тему “Развод”». Проективные рисуночные методики широко используются в современных исследованиях для психологической диагностики различных сторон развития личности человека, системы взаимоотношений личности, а также отношения человека к каким-либо социальным явлениям (Битюцкая Е.В.,

Буякас Т.М., Захарова Е.И., Мельникова Е.В., Петрушин С.В. и др.). К данному классу методик относятся, например, широко известные методики ТАТ (тематический апперцептивный тест, авт. Мюррей Г., Морган К.), рисунок человека (Гудинаф Ф.), рисунок семьи (Бернс Р., Кауфман С.) (2, 5, 6, 7). Остановимся более подробно на одной из задач нашей работы – изучении отношения испытуемых к разводу. Поскольку тема является аффективно насыщенной, мы считаем, что использование проективной методики адекватно поставленной задаче, так как позволяет выявить плохо осознаваемые аспекты эмоционального отношения к явлению развода, когнитивного образа ситуации развода, а также представления о поведенческих стратегиях супругов в ситуации развода. Мы предположили, что полученные результаты могут дополнить данные о восприятии молодыми супругами ситуации развода, в том числе неосознаваемые супругами аспекты.

В инструкции испытуемому предлагается нарисовать рисунок под названием «Развод». Для анализа нами были использованы формальные и содержательные параметры. Система параметров для анализа рисунка на тему «Развод» была разработана с учетом идей, предложенных авторами проективных методик «Родительское сочинение» (1), рисуночной проективной методики «Я и мой ребенок» (3). Мы разработали системы балльных оценок для каждого параметра, причем большее значение отражает большую выраженность параметра. Формальные параметры оценки полученной продукции: размер рисунка, расположение рисунка по вертикали, расположение рисунка по горизонтали, тип рисунка, детализация, характер линии, наличие штриховки. Содержательные параметры анализа рисунка – наличие на рисунке изображений фигур партнеров, вербализация (негативная), негативное влияние развода на детей, отражение когнитивного представления супругов о разводе как разрушении в семейной системе, дополнительные символы, контакт фигур партнеров, направленность изображений супругов друг на друга, эмоциональное состояние мужа, эмоциональное состояние жены, символ контакта, символ опоры, причина развода, эмоциональное отношение к ситуации развода, попытка сохранить брак, сходство партнеров.

Приведем анализ основных результатов.

Значение выше среднего наблюдается по параметрам *«Размер рисунка»*, *«Расположение рисунка по вертикали»*, *«Тип рисунка»*, *«Детализация»*, *«Характер линий»*, *«Наличие партнера»*, *«Символ разрушения»*, *«Дополнительные символы»*, *«Символ контакта»*, *«Символ опоры»*. Рассмотрим значение каждого из этих параметров. То, что размер рисунка в среднем по выборке приближен к большому, свидетельствует об аффективной насыщенности и значимости его для испытуемых. Большинство испытуемых нарисовали символичное изображение, что свидетельствует о высокой развитости абстрактного мышления, высоком уровне обобщения понятий данного проблемного поля. Склонность к детализации может характеризовать значимость работы для испытуемых (тщательная прорисовка может говорить не только об интересе к теме, но и высокой аффективной «заряженности» темы). Характер линий ближе к тревожному, что еще раз говорит об аффективной насыщенности данной ситуации для испытуемых. В большинстве рисунков изображен партнер, что свидетельствует о привязанности к собственному супругу (гражданскому или юридическому), значимости отношений с ним.

Значение параметров оценки рисунка на тему *«Развод»* ниже среднего наблюдается по следующим шкалам: *«Штриховка»*, *«Вербализация»*, *«Негативное влияние на детей»*, *«Контакт партнеров»*, *«Направленность друг на друга»*, *«Эмоциональное состояние жены»*, *«Эмоциональное состояние мужа»*, *«Эмоциональное отношение к разводу»*, *«Сходство партнеров»*. Отсутствие штриховки может означать не сильно представленную в выборке тревожность, но, поскольку характер линий, как можно заметить выше, преимущественно был тревожным, мы интерпретируем относительно редкое использование штриховки испытуемыми, как стремление скрыть возникшие эмоции, высокий уровень контроля.

Низкие средние значения в сферах контакта и сходства изображений партнеров, что, отчасти, можно интерпретировать, как идентификацию супругов друг с другом, их направленности друг на друга могут означать центрированность испытуемых на себе. Низкие средние значения показателей по шкалам эмоциональных состояний жены и мужа, а также эмоционального отношения к разводу означают, на наш взгляд,

негативные состояния и отношения, соответственно, что свидетельствует о восприятии развода большинством испытуемых как негативного явления.

Самые высокие средние показатели параметров оценки рисунка на тему «Развод» для мужчин получены по шкалам *«Расположение по вертикали»*, *«Символ контакта»*, *«Детализация»*. Такие показатели свидетельствуют, во-первых, о том, что мужчины стремятся нормализовать такую жизненную ситуацию, как развод, и готовы устанавливать контакт, и во-вторых, о том, что тема имеет значимость для испытуемых-мужчин. Самые низкие средние показатели параметров оценки рисунка на тему «Развод» получены, для мужчин, по шкалам *«Характер линий»*, *«Эмоциональное состояние жены»*, *«Эмоциональное состояние мужа»*, *«Эмоциональное отношение к разводу»*, *«Направленность друг на друга»*, *«Причина развода»*. Низкое среднее значение параметра, отражающего характера линий, свидетельствует о тревожности, вызванной данной ситуацией. Все эмоциональные показатели оцениваются мужчинами как негативные, что говорит о восприятии развода как сложной, эмоционально тяжелой жизненной ситуации. Низкий средний показатель по параметру направленности друг на друга супругов свидетельствует о том, что мужчины, в среднем, воспринимают развод как явление, в котором коммуникация с партнером отсутствует или слабо выражена. Причину развода большинство мужчин не указали; мы связываем это с относительно низким уровнем рефлексии, или с возможно высоким уровнем защит у испытуемых (Тулупьева Т.В.).

Для женщин, выполнивших задание, наиболее высокие показатели можно было наблюдать по параметрам *«Дополнительные символы»*, *«Символ опоры»*, *«Сходство партнеров»*. Такие данные свидетельствуют о том, что женщинам в нашей выборке свойственно использовать символы в своих рисунках, а также о том, что они чувствуют себя уверенно, представив ситуацию развода (видят для себя некоторую опору). Женщины воспринимают развод как разрыв равноценных партнерских отношений, поскольку в сфере сходства с партнером показатели были высокими. Самые низкие показатели – по шкалам *«Характер линий»*, *«Негативное влияние на детей»*, *«Вербализация»*. Такие показатели можно проинтерпретировать, как нежелание обсуждать проблемы в ситуации ссоры.

Важным аспектом, на который хотелось бы обратить внимание, является содержательная сторона рисунка и гендерные различия. Мужчины, в среднем, чаще изображают развод как крах, крушение. У женщин же встречаются изображения развода как дороги к чему-то новому, надежды на новое начало.

По результатам анализа анкетирования и методики «Незавершенные предложения» можно сделать вывод, что большинство молодых супругов в период ранней взрослости негативно относятся к разводу, как сложной, эмоционально тяжелой жизненной ситуации. Согласно нашим результатам, женщины относятся к разводу, в среднем, более негативно, чем мужчины. Данные, полученные с помощью методики «Рисунок на тему «Развод», подтверждают эти результаты. Важным дополнением для нас явилось, что для женщин выявлено амбивалентное отношение к разводу: одновременно с более негативным отношением к разводу, по сравнению с мужчинами, женщины, в среднем, менее тревожно воспринимают данную ситуацию. Если соотнести эти данные с результатами, полученными с помощью других методик, можно увидеть, что отношение к разводу у молодых супругов вербально позиционируется как резко негативное, однако в рисунках прослеживается другой аспект отношения – вероятность развода как некоторой ситуации, приводящей в итоге к чему-то новому, положительному эффекту.

Таким образом, мы считаем, что для изучения отношения молодых супругов к таким аффективно насыщенным темам, как развод, является важным использование проективных методик в качестве дополнительно инструментария для исследования переживаний партнеров.

Список литературы

1. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков / Под ред. Бурменской Г.В., Захаровой Е.И., Карабановой О.А., Лидерса А.Г. М.: Академия, 2002.
2. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.

3. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: науч. моногр. М.: ИИУ МГОУ, 2014.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. – М.: Гардарики, 2004.
5. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. 2-е изд. – М.: Академия, 2007.
6. Снегирева Т. В. Смысл и символ в проективном рисунке. – Вопросы психологии № 6, 1995.
7. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. – М., 2002.

**Актуальное отношение к родительству у юношей и девушек, имеющих статус
социальных сирот**

Кранц И.И.

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
Минск, Беларусь*

Ключевые слова: осознанное родительство, статус идентичности, социальные сироты, профиль идентичности, актуальное родительство.

Переживания взрослых людей, в качестве родителей, обыкновенно появляются задолго до того момента, когда у них рождаются дети. Личностная и родительская компетентность развиваются не одновременно, но и корреляционной связи между ними не обнаруживалось. Создается впечатление, что различные направления психологии изучают специально выделенные аспекты человеческого бытия, искусственно разделяя и рассматривая чаще всего вне общего контекста жизни индивида.

Подобное разделение имеет смысл для определения причин или прослеживания связей между различными психологическими явлениями и объектами. В случае

целостного взгляда на ситуацию в фокус внимания попадает огромное количество факторов, которые не являясь статистически существенными, тем не менее оказывают решающее влияние на прогнозируемое поведение той или иной группы людей.

В психологической литературе сложилось скептическое и в целом настороженное отношение к тому, какими характеристиками обладают социальные сироты, и в частности, к социальному благополучию их будущих семей. Справедливо полагают, что негативный опыт детско-родительских отношений не может не повлиять на становление супружества и родительства этих юношей и девушек (Прихожан А. М., Толстых Н. Н., 2005). В то же время, и молодые люди из социально благополучных семей не всегда демонстрируют черты осознанного родительства (Ермихина М.О, 2004).

Кроме беспокойства о судьбе и счастье ребенка, очевидно, существует и вторая сторона: эмоциональное благополучие и счастье родителей. Возможно, на внутреннюю структуру переживаний родителя не обращается так много внимания: взрослые ответственные люди справятся сами. Однако, психотерапевтическая практика показывает, что наибольшие сложности испытывают те дети, чьи родители не смогли быть «достаточно хорошими». Разумеется, взрослый человек может справиться с тревогой одиночества и отсутствия поддержки, страхом потери или болью утраты, обидой за неблагодарность того, кого вырастил и кто легко ушел и так далее. Осознавание того, как именно сможет справиться со своими переживаниями этот взрослый и что именно транслирует своему ребенку, во многом зависит и от опыта взросления в родительской семье, и безусловно, от зрелости личности, устойчивой идентичности и собственно интегрального переживания себя как родителя.

Наше исследование было посвящено определению признаков осознанного отношения к родительству юношей и девушек, имеющих статус социальных сирот с разным профилем личностной идентичности. На основе проведенного контент-анализа было предложено использовать понятие "профиля идентичности" - комплексного динамического показателя, учитывающего статус идентичности и феноменологию гетерохронности в достижении идентичности в отношении различных ее сфер. При этом выявляемый "профиль идентичности" имеет как содержательные, так и структурные

различия у испытуемых, имеющих опыт семейных и интернатных условий взросления. (Кранц И.И., 2011)

В практической работе, семейном консультировании и терапии зачастую приходится сталкиваться со стереотипным восприятием родительства: "Я воспитываю своего ребенка и поэтому лучше знаю, что надо делать и как себя вести". Признавая, что "было бы неплохо узнать что-нибудь новое", многие не готовы признать необходимость особой подготовки взрослых людей к тому, чтобы становиться родителем.

Уже более десятилетия специалисты говорят о целенаправленном воспитании и обучении людей, собирающихся стать родителями. Целью такой подготовки – осознание взрослым человеком себя как будущего или актуального родителя: матери или отца.

Согласно М.О. Ермихиной, «осознанное родительство» понимается как идеальный вариант реализации себя личностью в родительстве (Ермихина М.О., 2004). Определение осознанного родительства по Е.Г. Смирновой - интегральное психологическое образование личности отца и/или матери; оно представляет собой систему взаимодействия ценностных ориентаций, родительских установок, чувств, отношений, позиций и родительской ответственности, способствующих формированию гармоничного стиля семейного воспитания (5). А.А. Абрамова отмечает, что "сознательное родительство", "ответственное родительство" характеризуется активной, избирательной позицией отца и матери в отношении выбора ими оздоровительных, коммуникативных, воспитательных, образовательных практик. Противоположность "осознанному", "сознательному", "ответственному" родительству - пассивная или инфантильная родительская позиция: неосознанность отцом или матерью родительских установок, позиций и ценностей, спонтанность, неразборчивость в способах общения и приёмах воспитания, низкая готовность принять на себя ответственность за последствия воспитательных воздействий. В рамках такого подхода помощь в формировании оптимального отношения к родительству может исходить как со стороны специалистов, так и от более опытных, сознательных, ответственных родителей (Абрамова А.А., 2012). Таким образом, в понимании специалистов нет различий в качестве осознания биологического и приемного родительства. Однако в рамках социокультурного контекста родительство зачастую рассматривается через призму парадигмы кризиса, что

фокусирует внимание на девиантных или асоциальных аспектах детско-родительских отношений, и как следствие, в общественном сознании закрепляется идея необходимости особым образом контролировать родительство через систему образования, надзора и т.д.

Категория социальных сирот неоднородна. Среди них те, чьих родителей лишили родительских прав, чьи родители отказались от своих детей, признаны пропавшими без вести, погибли, а также те, чьи родители добровольно отказались от родительских прав с целью финансово облегчить себе жизнь и т.д. История жизни у каждого из таких детей по-своему уникальна и в то же время довольно типична – насколько может быть типичным семейное неблагополучие. Ранние детские воспоминания, количество лет, проведенных в школе-интернате, условия проживания, обучения и коллективного общения с одноклассниками и взрослыми, выезды за границу, особенности общения с близкими родственниками – все это накладывает свой отпечаток на процесс развития индивидуума и, так или иначе, формирует психологический профиль личности. Того самого человека, который по выходу из учебного заведения должен будет занять свое место в экономике и производстве своей страны, потреблении товаров и услуг, создании семейной ячейки и воспитании своих собственных детей.

И здесь мы сталкиваемся с тем, что прежде плотно опекаемый человек оказывается во многом один на один с той жизнью, которую надо проживать самостоятельно, где нет внимания социального работника, педагога или психолога. И в эту самостоятельную взрослую жизнь человек, потеряв статус социальной сироты, входит тоже самостоятельно, имея лишь тот багаж опыта, убеждений, надежд и, в целом, личностных особенностей, которые были накоплены к этому моменту. Об этом моменте можно знать, но прожить его каждому приходится самому.

Говоря об этом интегрирующем личностном образовании, можно обратиться к позитивистской психологии, а именно постмодернизму, и определить его как идентичность личности со следующей дефиницией: «личностную динамическую структуру, интегрирующую на индивидуальном уровне результаты онто- и социогенеза, включая неосознаваемые индивидом аспекты, и обеспечивающую целостность и субъектность индивида в подверженном изменениям... внешнем мире. Качественные

характеристики данной структуры, ее эффективность и функциональность, обуславливаются (но не исчерпываются) результатами разрешения первых четырех кризисов детства.» (В.А.Ильин, 2007). Не претендуя на окончательность данного определения, мы, тем не менее, пользуемся им в своем исследовании личностной идентичности юношей и девушек с различным семейным статусом.

Достижения современной научной мысли позволяет говорить об идентичности не только как интегральной характеристике личности, раскрытой в работах Э.Эриксона (Э.Эриксон, 1996), но и совокупности предложенных Дж. Марсия (J.E Marcia, 1966) критериев, характеризующих актуальный статус идентичности юноши или девушки. При этом психологические конструкты, феноменологически свидетельствующие о структуре и содержании личностной идентичности молодых людей, не только являются результатом семейного и социального воздействия, но и сами способны воздействовать на качество психосоциальной адаптации личности и психологическое здоровье семьи в частности и общества в целом.

В результате проведения диагностических процедур было показано, что четыре статуса идентичности, предложенные Дж. Марсия, различаются не только по указанным автором критериям наличия/отсутствия кризиса и выполнения выбора, но также по сочетанным с этими критериями семи сферам идентичности: самоотношение и самопрезентация; гендерная; социальная; профессиональная; морально-нравственная; ценностно-ориентационная ("Идеологическая" согласно определению Дж. Марсия); духовное развитие и автономность. Критерий оценивания появлялся при ответах, которые соответствовали описанной Э. Эриксоном эпигенетической теории развития и положениями о кризисах, а также дополненным Дж. Марсия концепцией о статусах идентичности. Отсутствие стереотипной привязки к определенным сферам привело к тому, что ответы на каждый вопрос использовались как для определения статуса идентичности, если это было возможно, а также – в качестве дополнительной оценки – при определении сформированности показателей каждой из сфер идентичности: самопрезентации (формально-биографические, качества внешности, увлечения), гендерная (отношение к себе как представителю определенного пола, семейные полоролевые отношения и др.), социальная (групповая принадлежность, отношения с

окружающими людьми), профессиональная, морально-нравственная (убеждения, принципы, мотивы, чувства, переживания), ценностно-ориентированная (идеологическая), духовное развитие и автономность (жизненные планы и цели, самооценка, принятие себя как личности, качества характера, взрослость, самостоятельность). Обсуждая особенности формирования идентичности, нельзя обойти вниманием гетерохронность достижения идентичности в отношении различных сфер самоопределения, т.е. неравномерность развития и скорости включения в интегральную идентичность различных ее структурных составляющих. Также, проводившееся ранее исследования психологического состояния детей, лишенных родительского попечения, дают основания предполагать, что у социальных сирот в юношеском возрасте может наблюдаться более значимо выраженная гетерохронность формирования разных сфер идентичности, представляющую собой по-разному проявляющуюся неравномерность во времени закрепления в структуре идентичности различных проявлений личностной идентичности, что несомненно приводит к искажениям личностного развития. Но что особенно важно для общества, членами которого становятся взрослеющие юноши и девушки, что те особенности проявления нарушенной автономности – как социальной, так и эмоциональной, - являются результатом формирования неадекватной идентичности.

На основании полученных в ходе эмпирического исследования данных, иногда парадоксально относящихся к теоретическим воззрениям различных авторов, мы имеем возможность предложить концепцию профиля личностной идентичности. Эмпирическое исследование включало в себя авторскую методику диагностического интервью, созданного на основе работ Э. Эриксона и Дж. Марсия, а также следующие диагностические методики: «Тест 20 утверждений» М. Куна и Т. МакПартланда, методика семейной социогаммы Э.Г. Эйдемиллера, социометрия (в описании Я.Л. Коломинского), тест «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской, и два варианта эссе «Каким я вижу себя» и «Какой я в глазах других», предложенные Н.Н. Толстых и А.М. Прихожан. При этом необходимо уточнить, что психометрический подход позволяет использовать принцип полуструктурированного интервью в создании адаптированной версии с целью дать исследователю возможность задавать прямые

вопросы по исследуемой теме с учетом современного русскоязычного менталитета опрашиваемых. С другой стороны, с помощью метода контент-анализа становится возможным выявлять в ответах определенные темы, характерные для каждой из указанных сфер идентичности. Изучение профессиональной перспективы показало, что выпускники интернатных учреждений испытывают определённые трудности в постановке дальних и ближних профессиональных целей, определении адекватных способов реализации своих жизненных и профессиональных планов. Нами было выявлено, что у учащихся отсутствуют реальные представления о своих возможностях и способностях, что они редко умеют планировать и осуществлять программу дальнейшего развития и саморазвития в процессе подготовки к предстоящей трудовой деятельности. Многие дети-сироты не осознают свои недостатки, которые могут помешать им в достижении профессиональной цели, или они имеют минимально конкретизированные представления о негативных сторонах личности.

Таким образом, на основании количественного и качественного анализа данных, с использованием метода контент-анализа ответов испытуемых, была предложена концепция профиля личностной идентичности, который определяется нами как комплексный динамический показатель, учитывающий статус идентичности и феноменологию гетерохронности в достижении идентичности в отношении различных ее сфер. А также разработаны критерии отнесения результатов диагностики испытуемых к одному из четырех статусов идентичности. При этом выявляемый "профиль идентичности" имеет как содержательные, так и структурные различия у испытуемых, имеющих опыт семейных и интернатных условий взросления.

По результатам исследования было выявлено, что среди социальных сирот достоверно чаще встречается статус предрешенности, и с равной частотой - диффузный и мораторий. Среди воспитывающихся в неполных семьях больше всего тех, кто имеет статус моратория, чуть реже встречается предрешенный и достигнутый. Свыше трети юношей и девушек из полных семей имеют статус предрешенности и около четверти их – статус моратория. Те, кто живет в полной семье с одним неродным родителем чаще всего характеризуется статусом моратория. Предварительный вывод довольно парадоксален: ранние статусы идентичности чаще были характерны молодым людям из

групп сирот и полных семей, а наибольшие – молодым людям, которым пришлось расти хотя и в полных семьях, но как минимум с одним не родным родителем.

Интерпретация подобной ситуации представляется нам следующей. Наличие обоих родителей становится фактором, замедляющим достижение личностной идентичности в юношеском возрасте, возможно, в силу сверхзаботливости родителей, желания помочь и решить задачи планирования вместо них, и связанным с этим нежелание покидать отчий дом и начинать собственную жизнь у детей. А это, в свою очередь, приводит к замедлению процессов сепарации и связанных с ним эмоциональной и социальной автономности личности. Актуальное родительство таких юношей и девушек, имеющих статус социальных сирот, создается через интегрирование в текущем статусе идентичности.

С другой стороны, полное семейное неблагополучие – а именно отсутствие опыта длительных близких отношений со значимыми взрослыми и, соответственно, родительская депривация – также замедляет процесс достижения личностной идентичности. Однако это происходит уже в силу отсутствия или малого личного опыта в сфере установления и изменений эмоциональной дистанции с близкими значимыми людьми, а также отсутствия необходимости сепарации, и как следствие – препятствует созданию эмоциональной и социальной автономности личности, необходимые для общественно-эффективного и семейно-благополучного развития личности на следующем возрастном этапе. Таким образом, формирование собственной родительской позиции в дальнейшем, на следующих этапах жизненного пути, неоднозначно связано с достигнутым статусом идентичности и сформированным профилем идентичности к моменту решения о рождении ребенка и переходе в состояние родителя.

Список литературы

1. Абрамова А.А. Несознательное родительство? (Электронный ресурс) // Образовательный ресурс Слово. – 2012. - URL: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/45934.php> (дата обращения: 21.02.2015).

2. Ермихина Е.О. Формирование осознанного родительства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. (Электронный ресурс) //Курганский государственный университет. - Казань, 2004. - URL: <http://osp.kgsu.ru/ermix.htm> (дата обращения 20.02.2015).
3. Кранц И.И. Профиль идентичности юношей и девушек, имеющих статус социальных сирот. // Журнал практического психолога, № 6, 2011. – С. 106-120.
4. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. – СПб.: Питер, 2005.- 400 с.
5. Смирнова Е.Г. Психолого-педагогическое сопровождение формирования осознанного родительства в молодой семье: автореф. ... канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.
6. Тенденции психосоциального развития в российском обществе (Текст) : Монография / Ильин В.А.. – Уфа : Вагант, 2007. – 312 с.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. - М. : Прогресс, 1996 – 344 с.
8. Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status // J. of Personality. – 1966, p.551-558.

Становление супружеской идентичности у девушек в период ранней взрослости

Лысюк Л.Г., Голиков В.В.

Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, Брест Белоруссия

alysiuk@list.ru, psy.golikov@yandex.ru

В рамках периодизации психосоциального развития Э. Эриксона, одной из ключевых задач молодости (18-30 лет) является формирование близких отношений с противоположным полом. Суть этой стадии заключается в способности слить воедино собственную идентичность с идентичностью другого человека без опасения потерять нечто в себе. Развитие близких отношений, согласно Эриксону, зависит от уровня

сформированности общей эго-идентичности. Ряд исследований 1967-68 гг. показал, что глубина и характер отношений подростка со сверстниками обоего пола действительно взаимосвязаны с уровнем развития идентичности [3]. Исходя из этих данных, можно предположить, что и готовность к созданию семьи будет определяться степенью зрелости общей эго-идентичности будущих супругов.

Вместе с тем известно, что общая эго-идентичность складывается из частных подвидов идентичности (профессиональной, религиозной, политической, гендерной и др.). Супружеская идентичность, которая составляет основу развития близких отношений, теоретически также является одной из составляющих личностной идентичности. Однако в отличие от других подвидов идентичности супружеская идентичность и характер ее взаимосвязи с общей эго-идентичностью остается практически неизученной. В этой связи целью представленного исследования было выяснение особенностей становления супружеской идентичности у незамужних девушек и ее взаимосвязи с общей эго-идентичностью.

Супружеская идентичность, рассматриваемая в контексте теории эго-идентичности, определяется нами как внутренняя организация смыслов, ценностей, потребностей и ролей, посредством которых индивид осознает себя как супруга и реализует свой супружеский образ в подготовке себя к браку и в браке.

Изучение супружеской идентичности осуществлялось с помощью полуструктурированного интервью, разработанного Дж. Марсиа, и адаптированного С.А. Татарко [2]. Для исследования общей эго-идентичности была использована методика Дж. Марсиа «Незавершенные предложения», стандартизированная В.Р. Орестовой [1].

В исследовании приняло участие 64 девушки, которые были объединены в две возрастные группы: 20 – 25 лет (32 девушки) и 26 - 30 лет (32 девушки).

Анализ полученных данных показал, что в исследуемой выборке представлены разные типы супружеской идентичности. Чаще всего девушки демонстрируют *предрешенную идентичность* (39,1% выборки). 37,5 % респонденток всей выборки демонстрируют *диффузную идентичность*. 20,3% респонденток находятся в *статусе моратория*. Статус достигнутой идентичности был обнаружен у 3,1%

Статистический анализ представленности статусов идентичности в двух возрастных группах показал отсутствие значимых возрастных отличий между девушками 20-25 лет и 26-30 лет ($\chi^2=5,837$; $n = 2$, $p>0,05$). Вместе с тем сопоставительный анализ представленности каждого типа идентичности в двух возрастных группах обнаружил, что у девушек в возрасте 20-25 лет статистически значимо чаще встречается предрешенная идентичность ($\chi^2=6,731$; $n = 1$, $p <0,01$), а девушки в возрасте 26-30 лет чаще демонстрируют статус моратория ($\chi^2=4,73$; $n = 1$, $p <0,05$). Для выяснения факторов, влияющих на становление супружеской идентичности, были проанализированы: 1) возраст, в котором девушки начали задумываться о себе как будущей жене; 2) обстоятельства, побудившие их к этому; 3) источники, в которых они искали элементы содержания супружеской идентичности. Согласно полученным данным, незамужние девушки начинают серьезно задумываться о себе как о будущей жене в возрасте около 22 лет. При этом девушки 20-25 лет полагают, что начали осмысливать образ жены в возрасте около 19 лет, а девушки 26-30 лет в среднем около 25 лет. Все ответы об обстоятельствах, побудивших к размышлениям над собственным образом жены, были объединены в шесть категорий. К категории «*Влияние значимых людей*» относятся ответы, в которых девушки указали на прямое или косвенное влияние значимых для них людей. На этот фактор влияния указали 32,8% респонденток. Вторая категория «*Опыт травматических отношений с противоположным полом*» состоит из указаний на случаи собственного травматического опыта: эти причины назвали 25% девушек. В категорию «*Реальные отношения*» (указали 15,6% девушек) входят ответы, указывающие на причины, обусловленные наличием самого факта отношений и необходимостью некоего дальнейшего развития отношений с партнером, к которому девушки испытывают сильные чувства. К категории «*Взаимодействие с психологом*» были отнесены ответы 15,6% девушек, указавших на то, что прямым или косвенным катализатором начала поисков супружеской идентичности явилась информация, полученная от психолога. В категорию «*Самостоятельная жизнь*» включены ответы 9,4% девушек, связанные с отделением от родителей, переездом на новое место жительства и началом самостоятельной, независимой с материальной точки зрения жизни. Статистический анализ показал отсутствие значимых возрастных отличий ($\chi^2=4,224$; $n=3$; $p>0,05$) в

указании на причины, вызывающие поиск супружеской идентичности. Однако опыт травматических отношений является причиной зависящей от возраста респонденток ($\chi^2 = 4,947$; $n=1$; $p < 0,05$). Все ответы, касающиеся источников информации для поиска собственной супружеской идентичности, были объединены в шесть групп.

Полученные данные показывают, что основным источником содержания образа жены для большинства респонденток является специальная литература (46,9%). Вторым по значимости источником можно считать отношения родителей (29,7%) и успешных супружеских пар (26,6%). Третье место занимают тренинги и образовательные курсы, а также мнение подруг (18,8% и 18,2%). Сравнение двух возрастных групп с помощью критерия Хи-квадрат не выявило возрастных различий. Вместе с тем сопоставление значимости источников поиска собственной супружеской идентичности со статусами показало, что девушки, находящиеся в статусах диффузной и предрешенной идентичности наиболее часто указывают на родительскую семью (73,5%), специальную литературу (38,8%) и успешные отношения (30,6%). Для девушек же в статусах мораторий и достигнутая идентичность наиболее значимыми источниками супружеской идентичности являются тренинги и курсы (60%), специальная литература и примеры успешных отношений (по 53,3%).

Исследование общей эго-идентичности показало, что около трети девушек имеют средний уровень общей эго-идентичности, а две трети – высокий, однако количественные показатели тяготеют, скорее, к нижнему диапазону этого уровня, что свидетельствует о становлении идентичности. Сопоставление общей эго-идентичности и супружеской идентичности с использованием коэффициента взаимной сопряженности Чупрова показало, что между ними существует положительная взаимосвязь, однако она является очень слабой ($K=0,11$). Также очень слабыми оказались взаимосвязи между общей и супружеской идентичностью у девушек, продемонстрировавших диффузную и предрешенную идентичность ($K=0,12$), равно как и у девушек в статусах мораторий и достигнутая идентичность ($K=0,22$).

Таким образом, уровень развития общей идентичности фактически не связан с уровнем развития супружеской идентичностью. Эти факты могут быть объяснены тем, что супружеская идентичность развивается относительно независимо от общей

идентичности, и соответственно высокий уровень развития идентичности не гарантирует развитие образа себя как супруги. Эти данные со всей определенностью указывают на необходимость проведения специальной консультационно-профилактической работы, направленной на развитие зрелой супружеской идентичности.

Список литературы

1. Орестова, В.Р. Формирование личностной идентичности в подростковом и юношеском возрасте: дис. канд. псих. наук: 19.00.13 / В.Р. Орестова - Москва, 2001. - 207 л.
2. Татарко, С.А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии / С.А. Татарко // Психологическая диагностика. – 2009. - №1. - С.1-39.
3. Orlofsky, J.L., Marcia, J.E., Lesser, I.M. Ego identity status and intimacy versus isolation crisis of young adulthood // Journal of Personality and Social psychology. – 1973. - №27, p.2. P. 211-219.

Представления молодежи об идеальном партнере на разных этапах семейных отношений

Маленова А.Ю.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

malyonova@mail.ru

Проблема создания семьи в целом, и выбора супруга(и) в частности, не теряет своей актуальности в любые времена. Однако особенности развития общества на том или ином этапе вносит свои коррективы в данный процесс, определяя критерии и влияя, в конечном счете, на его результат. Особый интерес в данном случае представляет обсуждение требований, предъявляемых к партнеру современной молодежью, которые не могут не отличаться от прежних, свойственных старшему поколению,

осуществляющему аналогичный выбор в иных социально-экономических и политических условиях. Кроме того, сама сфера брачно-семейных отношений претерпела значительные трансформации, неминуемо меняя облик семьи, формируя ее новые особенности, отличные от закрепленных в многовековой истории этого института. Одной из черт современного супружества является упразднение полоролевой дифференциации обязанностей, внедрение эгалитарной модели организации семейной жизнедеятельности. В связи с этим, логично предположить, что традиционное представление о маскулинных и феминных паттернах поведения, закрепленных за партнером определенного пола, теряет свои приоритетные позиции, уступая андрогинным чертам супругов, как наиболее релевантным новым условиям.

Вместе с тем, эмансипация от «устаревших» представлений о мужчинах и женщинах, демократизация и эгалитаризация отношений, в том числе семейных, не исключает того, что это может быть признак лишь первоначального этапа их формирования. Переоценка значимости традиционной модели семьи, предполагающей иерархичность отношений, четкое закрепление зон ответственности, ценность родительства и родства, актуализируется появлением у семьи новых задач. Прежде всего, это может быть обусловлено переходом от «супружеских» отношений к «детско-родительским» в связи с появлением ребенка и, как следствие, изменением функционально-ролевой структуры семьи. Полагаем также, что переход от «добрачного» этапа к «супружескому» также может влиять на требования, предъявляемые к партнеру и интимно-личным отношениям.

Таким образом, мы планировали выявить различия между молодыми людьми, находящимися на разных этапах семейных отношений – добрачном, супружеском и родительском. Все эти стадии, так или иначе, выделяются в периодизациях семейной жизни, критериями которых могут выступать возраст супругов, стаж отношений, отсутствие / наличие детей, круг решаемых задач, типы нормативных стрессоров и пр.

Суть добрачного периода достаточно точно передается в терминах, используемых авторами в разное время, для его наименования - «ухаживание» (Дж. Хейли, 1986), «добрачное общение» (Г. Навайтис, 1999), «вовлечение» (Э. Дювалль, 1977), «страстная влюбленность» (В.И. Зацепин, 1984), «выбор партнера» (В.В. Юстицкис, Э.Г.

Эйдмиллер, 1989), «добрачная пара» (С.А. Седракян, 2011). Согласно моделям выбора брачного партнера, одним из важных «фильтров» выступает сходство брачно-семейных установок и ценностей (А. Кергкофф, Р. Дэвис, 1962; Дж. Удри, 1974), а также оценка комплементарности удовлетворения значимых потребностей (Б. Мюрстейн, 1976). Именно преодоление этого «фильтра» партнером позволяет рассматривать его как наиболее привлекательный вариант в контексте будущих супружеских отношений, в том числе через их функционально-ролевую структуру. Следующий этап – «зарождения семьи» (Э.К. Васильева, 1981), «принятия и развития новых ролей» (Э. Дювалль, 1977), «молодого супружества» (Fanta, 1972), «совсем молодых браков» (В.А. Сысенко, 1981), прежде всего, предполагает адаптацию супругов к условиям семейной жизни и друг другу, в том числе формирование реальной ролевой системы, за счет соотнесения и уточнения ролевых ожиданий и притязаний. В свою очередь, появление детей как очередной нормативный кризис (В. Сатир, 1992), содействует перестройке семейной системы за счет перераспределения зон ответственности, формирования и реализации новых ролевых установок, возникших благодаря изменению потребностей молодых родителей, с одной стороны, и появлению особой семейной ситуации для их удовлетворения, с другой.

Таким образом, главной целью нашего исследования стало изучение брачных установок молодежи на разных этапах семейных отношений, гипотетически отличающих молодых людей между собой. Для проверки данного предположения мы, совместно с К.В. Королевой, организовали достаточно масштабное сравнительное исследование. Согласно нашему замыслу, его характер предполагал участие нескольких целевых групп молодежи, критериями включения в которые выступали возраст, пол и семейный статус. Общая выборка составила 270 человек от 20 до 30 лет, разделенных на три группы (90 в каждой, по 45 мужского и женского пола): юноши и девушки, не состоящие в браке, молодые супруги без детей (стаж брака до 5 лет) и супруги с детьми дошкольного возраста. В нашем случае ключевыми критериями выступают наличие или отсутствие брачных отношений, а также детей в них, через которые мы и будем рассматривать особенности брачных установок современной молодежи.

Программа исследования была довольно обширна, что соответствовало решению поставленных задач:

1. Изучить представления молодежи об идеальном партнере на разных этапах семейных отношений;
2. Выявить семейные ценности, ролевые ожидания и притязания у молодых мужчин и женщин на разных этапах семейных отношений;
3. Исследовать семейные установки молодежи в зависимости от этапа жизнедеятельности семьи;
4. Определить психологический пол молодых людей и установить его связь с семейными установками, ролевыми ожиданиями и притязаниями, представлениями об идеальном супруге на разных этапах семейных отношений.

Решение каждой задачи предполагало использование соответствующего методического инструментария. Для определения специфики установок на самого партнера (в нашем случае – идеального) была использована методика личностного семантического дифференциала О.Л. Кустовой, позволяющая оценить его по следующим критериям: сила личности; внешняя привлекательность; эмоциональность; социальный статус; зависимость; эмпатия; современность; феминность; маскулинность; андрогинность [6]. Для изучения семейных ценностей и ролевых установок был использован опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой, позволяющий оценить значимость таких сфер отношений, как сексуальная, хозяйственно-бытовая, воспитательная, психотерапевтическая, социальной активности, внешней привлекательности и идентификации с партнером [3]. Для более целостного представления об установках личности в инструментарий был включен опросник «Измерение установок в супружеской паре» Ю.Е. Алешиной, И.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской [1], ориентированный на замер показателей мужчин и женщин относительно отношения к людям в целом, детям, деньгам, долгу, совместной деятельности, любви, разводу, сексу, устройству семьи. Определение психологического пола личности осуществлялось с помощью классической методики С. Бем [2].

В рамках данной работы мы остановимся на обсуждении закономерностей, обнаруженных при решении первой задачи, а именно – изучении представлений

молодежи об идеальном партнере на разных этапах семейных отношений (с остальными результатами можно ознакомиться в рамках других наших публикаций [4; 5]). Обработка данных сравнительного исследования осуществлялась с помощью программ вычисления MS Excel, SPSS, основные математические методы – первичная описательная статистика (средние значения и стандартные отклонения), U-критерий Манна-Уитни.

Начнем с того, что методика личностного семантического дифференциала О.Л. Кустовой, применяемая нами для решения первой задачи, построена на базе прилагательных и некоторых описательных утверждений, обозначающих черты личности, характера и поведения (всего 40 биполярных и 5 униполярных шкал), благодаря которым, заданные образы, в конечном итоге, оцениваются по 10 факторам [6], указанным ранее. Инструментарий особенно эффективен при изучении специфики гендерных взаимоотношений, в том числе через сопоставление оценок партнера реального и идеального, позволяя тем самым, изучать, как особенности восприятия значимого другого, так и самого себя.

Поскольку в нашем случае была задействована группа молодых людей, не имеющих собственные семьи, на ней могли быть изучены только особенности представлений о будущем партнере. Это внесло некоторые коррективы при обследовании двух других групп – сопоставление оценок всех участников исследования было возможно только при сравнении оценок образа идеального партнера. Кроме этого, предложение оценить партнера реального, на наш взгляд, могло бы внести некоторую негативную окраску, способную повлиять на результаты всего исследования, предполагающего заполнение нескольких достаточно объемных опросников. В связи с этими условиями, мы в качестве фактора, мотивирующего потенциальных участников, указывали, что изучаем представления о браке и семье современной молодежи (без конкретизации их реальных супружеских отношений). Одновременно с этим, мы полагаем, что достаточно абстрактные и обобщенные инструкции при изучении брачно-семейных установок и ценностей, все же содействовали проекции на реальную семейную ситуацию, через которую и давалась оценка предлагаемым утверждениям. Таким образом, есть основания предполагать, что за исследованием установок в области

семьи и брака, лежат реальные ролевые и поведенческий паттерны, реализуемые партнерами непосредственно в этих отношениях.

Итак, данный этап исследования брачно-семейных установок, предположительно отличающихся у молодых людей с разным семейным статусом, был направлен на изучение представлений мужчин и женщин о качествах идеального партнера, отражающих систему требований к современным супругам. Установлено, что независимо от этапа семейных отношений мужчины высоко оценивают супругу, обладающую качествами «Сила личности» и «Современность», а женщины, также указывая «Современность», отдают предпочтение качеству «Маскулинность» (по этим шкалам не было обнаружено статистически достоверных различий). Таким образом, образ современного супруга, независимо от его пола, скорее имеет маскулинные черты, видимо позволяющие решать задачи, стоящие перед современной семьей, на более высоком уровне. В то же время, предпосылкой подобной тенденции может выступать актуальная для современного социума эгалитарная модель семейных отношений, предполагающая равенство партнеров. Поскольку это, прежде всего, предполагает бесконфликтное распределение ответственности и ее реализацию во всех сферах, в том числе материальной, скорее от женщин будут требоваться «мужские» черты, чем от мужчин – женские.

Вместе с тем, были обнаружены особенности, отличающие людей, имеющих разный семейный статус. Так, мужчины и женщины, состоящие в браке, в целом дают более низкие оценки своему идеальному партнеру. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что вступая в брак и начиная жить со своим избранником, партнер, возможно впервые, сталкиваются с противоречием: несоответствие образа супруга(и) до брака и после. Более близкое знакомство с человеком, адаптация к его привычкам, ценностям, чертам личности, в том числе сопровождается новой и не всегда приятной информацией. Поскольку каждый имеет недостатки, это не является фатальным для супружества, если, конечно, эти особенности попадают в зону «индивидуальной нормы». Однако, при совместном проживании, становится все сложнее поддерживать первоначальный «идеальный» образ, который, вместе с тем, становятся ближе к реальности.

На мужской выборке больше всего различий было обнаружено между неженатыми и женатыми людьми: они коснулись таких шкал, как «Внешняя привлекательность» ($U=133,0$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональность» ($U=86,50$ при $p \leq 0,01$), «Социальный статус» ($U=93,50$ при $p \leq 0,01$), «Зависимость» ($U=148,50$ при $p \leq 0,01$), «Эмпатия» ($U=759,50$ при $p \leq 0,05$), «Феминность» ($U=562,0$ при $p \leq 0,01$), «Маскулинность» ($U=253,00$ при $p \leq 0,01$), «Андрогинность» ($U=317,0$ при $p \leq 0,01$). Общая тенденция такова: неженатые мужчины по всем указанным параметрам предъявляют более высокие требования к идеалу (см.: Таблицу 1).

Таблица 1

Особенности представлений молодых мужчин об идеальной супруге на разных этапах семейных отношений (ср. значения, %)

№	Шкалы (качества)	Мужчины		
		неженатые	женатые	женатые с детьми
1.	Сила личности	73 ($\pm 17,3$)	71 ($\pm 9,7$)	70 ($\pm 25,5$)
2.	Привлекательность	83 ($\pm 21,2$)	54 ($\pm 10,9$)	79 ($\pm 26,5$)
3.	Эмоциональность	55 ($\pm 14,6$)	26 ($\pm 8,2$)	40 ($\pm 15,8$)
4.	Социальный статус	69 ($\pm 17,2$)	36 ($\pm 6,9$)	63 ($\pm 22,3$)
5.	Зависимость	52 (± 14)	30 ($\pm 7,3$)	50 ($\pm 19,7$)
6.	Эмпатия	68 (± 13)	63 ($\pm 10,6$)	65 ($\pm 21,7$)
7.	Современность	75 ($\pm 14,8$)	70 ($\pm 12,8$)	69 ($\pm 23,5$)
8.	Феминность	67 ($\pm 10,9$)	59 ($\pm 8,8$)	61 (± 20)
9.	Маскулинность	71 ($\pm 13,6$)	53 ($\pm 10,3$)	63 ($\pm 20,6$)
10.	Андрогинность	74 ($\pm 14,9$)	62 (± 8)	69 ($\pm 23,3$)

В целом, подтверждается идея о том, что наиболее привлекательной в качестве будущей супруги является женщина, имеющая высокие показатели андрогинности, то есть у которой присутствуют и ярко выраженные феминные (красивая, чувственная,

эмотивная, сопереживающая, покорная), и маскулинные (активная, уверенная, целеустремленная достигающая) черты. Собственно, на этапе формирования семьи, большинство параметров, за исключением таких, как «сила личности», «эмпатия», «современность», резко «снижают» свои показатели. Возможно, осознав невозможность, да и отсутствие необходимости, отношений с Идеальной женщиной, мужчины понижают свои притязания и вступают в брак с более «земным» партнером, может быть менее привлекательным, по сравнению с идеалом, но в то же время более эмоционально устойчивым и автономным. С другой стороны, женившись, мужчины могут изменить и представление об идеале, приблизив его к образу собственной жены и сделав его, тем самым более реалистичным. Однако, динамика идеала на этом не закачивается: с появлением детей мы вновь обнаруживаем картину за редким исключением, сходную с тем, как оценивалась идеальная супруга мужчинами на добрачном этапе отношений (различия обнаружены только по шкале «Эмоциональность» $U=475,50$ при $p \leq 0,01$, ценность с которым с возрастом снижается, тогда как по шкале «Эмпатия» результаты не имеют различий). Это подтверждается и при сравнении женатых мужчин с детьми и без них: обнаружены различия по шкалам «Внешняя привлекательность» ($U=312,50$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональность» ($U=446,0$ при $p \leq 0,01$), «Социальный статус» ($U=277,00$ при $p \leq 0,01$), «Зависимость» ($U=352,50$ при $p \leq 0,01$), «Феминность» ($U=720,50$ при $p \leq 0,01$), «Маскулинность» ($U=533,50$ при $p \leq 0,01$), «Андрогинность» ($U=519,0$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, мужчины с детьми дают идеальной супруге более высокие баллы по 8 из 10 шкал (с подтверждением различий по 7 из них), чем супруги без детей. Без лонгитюдного исследования трудно утверждать о том, что это именно динамика представлений, и установление этого в дальнейшем, на наш взгляд, выступает интересной исследовательской перспективой, однако можно все же выдвинуть некоторые гипотезы относительно обнаруженной закономерности. Например, появление новых ролей – матери и отца, заставляет пересмотреть прежние ориентиры, которые могут, как «возвысить» собственную супругу до идеала, так и, наоборот, содействовать более критическому взгляду на нее через выдвижение более высоких требований. Подобная двойственность может быть также обусловлена не только ролевой трансформацией отношений, но и их длительностью: если они устраивают партнера, то

их ценность и значимость в связи с этим супруги, повышается, если напротив муж и отец устал от них, то появляется усиленный образ, идеализированной женщины, которую хотелось бы видеть рядом вместо супруги. Но и в этом случае, наши предположения весьма умозрительны, поскольку мы не изучали представление о партнере реальном и не имеем возможности сопоставить в действительности эта два образа, сформированные в сознании мужчин.

Что касается женской выборки, то на ней были получены результаты аналогичные по характеру данным мужчин: за редким исключением «пик» идеала приходится на предбрачный период отношений, при вступлении в брак показатели значительно уменьшаются, чтобы затем повыситься с появлением в семье детей (см.: Таблицу 2).

Таблица 2

Особенности представлений молодых женщин об идеальном супруге
на разных этапах семейных отношений (ср. значения, %)

№	Шкалы (качества)	Женщины		
		незамужние	замужние	замужние с детьми
1.	Сила личности	87 (±8,5)	69 (±9,98)	82 (±18,60)
2.	Привлекательность	84 (±8,4)	64 (±7,64)	81 (±17,87)
3.	Эмоциональность	52 (±9,9)	23 (±6,46)	49 (±15,46)
4.	Социальный статус	82 (±10,9)	43 (±7,37)	78 (±18,77)
5.	Зависимость	39 (±14,4)	18 (±7,13)	48 (±17,44)
6.	Эмпатия	66 (±11)	52 (±10,15)	70 (±17,93)
7.	Современность	83 (±10,4)	80 (±11,32)	77 (±18,38)
8.	Феминность	68 (±11,8)	40 (±7,24)	74 (±33,96)
9.	Маскулинность	80 (±10,5)	78 (±11,04)	77 (±18,42)
10.	Андрогинность	76 (±8,9)	63 (±8,94)	74 (±16,44)

Таким образом, предположения, выдвинутые нами ранее на мужской выборке, уместны и в этом случае – динамика функционально-ролевой структуры отношений способна оказывать влияние и на образ партнера, в том числе идеального. Поэтому остановимся на анализе типично женских требований к супругу, которые, очевидно, должны отличаться от мнения мужчин.

Сравнивая незамужних и замужних женщин, различия были обнаружены по таким шкалам как «Сила личности» ($U=163,00$ при $p \leq 0,01$) «Внешняя привлекательность» ($U=78,00$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональность» ($U=30,50$ при $p \leq 0,01$), «Социальный статус» ($U=00,00$ при $p \leq 0,01$), «Зависимость» ($U=213,00$ при $p \leq 0,01$), «Эмпатия» ($U=328,50$ при $p \leq 0,01$), «Феминность» ($U=157,00$ при $p \leq 0,01$), «Андрогинность» ($U=260,50$ при $p \leq 0,01$). Девушки ставят более высокие баллы предполагаемому партнеру, что позволяет описать идеального супруга как сильную и привлекательную личность, с высоким социальным статусом, скорее независимую и в меру эмоциональную, при этом скорее андрогинного типа с ярко выраженной тенденцией к маскулинности. В свою очередь, замужество «меняет» идеал супруга, который, скорее не обязан проявлять «силу» характера и иметь яркую внешность, даже может не иметь высокий доход и статус, однако все же должен быть независим и весьма эмоционально устойчив. Предпочтение, таким образом, в большей степени отдается маскулинным чертам, тогда как «женское» поведение супруга не поощряется. И если на данном этапе партнер не имеет реальных достижений, то это в идеале и не требуется, но при этом сохраняется его оценка, как способного к ним, достаточно перспективного и амбициозного. Кардинальным образом картина меняется с появлением детей – от мужчины одновременно требуется усиление и маскулинных, и феминных черт, о чем свидетельствуют различия по шкалам «Сила личности» ($U=326,00$ при $p \leq 0,01$), «Внешняя привлекательность» ($U=174,00$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональность» ($U=174,50$ при $p \leq 0,01$), «Социальный статус» ($U=102,50$ при $p \leq 0,01$), «Зависимость» ($U=146,00$ при $p \leq 0,01$), «Эмпатия» ($U=260,0$ при $p \leq 0,01$), «Феминность» ($U=150,00$ при $p \leq 0,01$), «Андрогинность» ($U=325,50$ при $p \leq 0,01$). Особый интерес, в данном случае, представляет фактор «Зависимость»: было установлено, что только он один существенно отличает незамужних девушек и замужних женщин с детьми ($U=680,00$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, несмотря на требования «мужского» поведения с элементами

«андрогинного типа», все же, независимость мужчины, по мнению женщины, более уместна на этапах привлечения партнера и формирования отношений с ним, тогда как с появлением детей автономное поведение воспринимается скорее как конфликтное.

Таким образом, особенности отношений на разных этапах, а также появление детей, дают своеобразную проекцию на образ идеального партнера, который, очевидно, не может не сопоставляться с реальным супругом(ой), что, в свою очередь, способно влиять на качество брачно-семейных отношений. Общую картину дополняют также результаты гендерного характера, позволяющие сопоставить оценки молодых мужчин и женщин на каждом этапе семейных отношений, что представляет особую ценности при организации психологической работы с конкретными парами (см.: Таблицу 3).

Таблица 3

Гендерные особенности представлений об идеальном партнере
на разных этапах семейных отношений (ср. значения, %)

Шкалы (качества)	Добрачный этап		Супружеский этап		Родительский этап	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Сила личности	73(±17,3)	87(±8,5)	71(±9,7)	69(±9,98)	70(±25,5)	82(±18,60)
Привлекательность	83(±21,2)	84(±8,4)	54(±10,9)	64(±7,64)	79(±26,5)	81(±17,87)
Эмоциональность	55(±14,6)	52(±9,9)	26(±8,2)	23(±6,46)	40(±15,8)	49(±15,46)
Социальный статус	69(±17,2)	82(±10,9)	36(±6,9)	43(±7,37)	63(±22,3)	78(±18,77)
Зависимость	52(±14)	39(±14,4)	30(±7,3)	18(±7,13)	50(±19,7)	48(±17,44)
Эмпатия	68(±13)	66(±11)	63(±10,6)	52(±10,15)	65(±21,7)	70(±17,93)
Современность	75(±14,8)	83(±10,4)	70(±12,8)	80(±11,32)	69(±23,5)	77(±18,38)
Феминность	67(±10,9)	68(±11,8)	59(±8,8)	40(±7,24)	61(±20)	74(±33,96)
Маскулинность	71(±13,6)	80(±10,5)	53(±10,3)	78(±11,04)	63(±20,6)	77(±18,42)
Андрогинность	74(±14,9)	76(±8,9)	62(±8)	63(±8,94)	69(±23,3)	74(±16,44)

Интересно, что до брака, девушки и юноши, в целом скорее наделяют будущего супруга(у) похожими чертами, независящими от пола: современный, внешне привлекательный, личностно сильный человек, в меру эмоциональный и эмпатичный, с преобладанием черт андрогинного типа (высокий уровень развития и маскулинных, и феминных качеств) с тенденцией к маскулинности. Одновременно с этим, девушки ожидают от партнера более современных (и, видимо, менее традиционных) взглядов на отношения ($U=672,50$ при $p \leq 0,01$), однако, при сохранении маскулинности ($U=611,50$ при $p \leq 0,01$), силы его личности ($U=471,10$ при $p \leq 0,01$) и статуса ($U=527,50$ при $p \leq 0,01$). В свою очередь, юноши, в целом, ориентируясь на равноправие в отношениях, все же считают себя доминирующими в них, полагая, что женщины чаще должны демонстрировать свою зависимость от мужчин ($U=561,50$ при $p \leq 0,01$). Последнее относится и к мнению мужчин женатых, требующих от женщин еще большей зависимости ($U=256,00$ при $p \leq 0,01$). В целом, именно на этой группе – молодые супруги, не имеющие детей, были обнаружены самые многочисленные различия в оценках идеального партнера между мужчинами и женщинами. Помимо уже указанной черты «зависимость», в идеале, жена должна быть более эмоциональна ($U=742,00$ при $p \leq 0,05$), эмпатийна ($U=434,00$ при $p \leq 0,01$) и, в целом, более женственна ($U=108,00$ при $p \leq 0,01$). Тогда, как молодые жены, хотят видеть рядом с собой в меру привлекательного ($U=412,50$ при $p \leq 0,01$) и современного ($U=482,50$ при $p \leq 0,01$) мужчину маскулинного типа ($U=70,00$ при $p \leq 0,01$), достаточно честолюбивого для достижения поставленных целей ($U=460,50$ при $p \leq 0,01$). С появлением детей, женщины чаще, в отличие от мужчин, ожидают проявления силы в поведении супруга ($U=739,50$ при $p \leq 0,05$), реальных социальных достижений, закрепленных соответствующим статусом ($U=555,00$ при $p \leq 0,01$), истинной мужественности ($U=556,00$ при $p \leq 0,01$), но, как ни парадоксально, и одновременного проявления феминных черт ($U=761,50$ при $p \leq 0,05$), в частности, способности к глубоким эмоциональным переживаниям ($U=614,50$ при $p \leq 0,01$). Разрешение обнаруженного противоречия, на наш взгляд, возможно при разведении внутри- и внесемейной активности супруга: например, его ориентация на маскулинный образец в профессиональной сфере при концентрации на феминном в области супружеских и детско-родительских отношений. Следует также отметить, что именно на

женской выборке была установлена закономерность, отличающая ее от обследуемых мужчин и независимая от этапа супружеских отношений: в идеале партнер всегда должен иметь уровень маскулинности и социальный статус выше, чем у супруги.

Подводя общий итог результатов этой части нашего исследования, можно выделить ряд тенденций, позволяющих описать портрет идеального партнера с учетом возраста и этапа семейных отношений. С одной стороны, данные подтверждают, что для современной молодежи традиционная патриархальная модель семьи и, как следствие, качества партнера, ее обеспечивающие, утрачивают свои приоритетные позиции. Большую популярность приобретает эгалитарная структура отношений, предполагающая равноправие партнеров, и, соответственно, отдающая предпочтение личности андрогинного типа с тенденцией к маскулинному, независимо от пола супруга. С другой стороны, подтверждается, что такое представление о взаимозаменяемости партнеров, ориентированных не только и не столько на внутри-, но и на внесемейную самореализацию, более свойственно молодежи на добрачном периоде, предшествующем формированию реальных семейных отношений. Тогда как при их появлении вновь обнаруживаются «отголоски» патриархальных взглядов – попытки удержать женщину в семье, обращаясь к эволюционной целесообразности ее поведения, направленного на усиление черт, необходимых для вынашивания и выращивания потомства, поддержания эмоционально благоприятного климата в семье, и, собственно, самореализации в ее пределах. Несмотря на то, что женщины на этом этапе в принципе проявляют готовность к независимости мужчин, признанию их ответственности за социальное, экономическое благополучие семьи, они уже не хотят и не могут «довольствоваться» исключительно феминными образцами поведения, составляя достойную конкуренцию мужчинам в области социальной активности до момента появления детей. На наш взгляд, примером этого является популярность, так называемых, «бикарьерных семей», в которых супруги преимущественно ориентированы на самореализацию вне семьи, «откладывая» решение задач, стоящих перед семьей как социальным институтом, на будущее. Этому также способствует отказ от семейных отношений в принципе (осознанное «холостячество» или «одиначество»), а также увеличение возрастных границ вступления в брак. Другими словами, маскулинные образцы поведения наиболее целесообразны для мужчин и

женщин, либо «не обремененных» семьей, либо уже ее имеющих, но пока без детей (видимо и семью сейчас «заводить» целесообразно попозже, когда остро встает вопрос о необходимости продолжения рода). В свою очередь, решение задач репродукции и первичной социализации подрастающего поколения, ненадолго «удерживает» феминность женщин, актуализируя «возвращение» к собственному развитию, в том числе профессиональному, через несколько лет после появления ребенка. Помощи в этом они ожидают от мужчин, которые должны, одновременно сохраняя социальные позиции и достижения, усиливать свою роль и в семейных отношениях, повышая собственную эмоциональную компетентность в общении с супругой и детьми. Интересным в данном случае является то, что женщины рассчитывают на развитие феминных черт у мужчин в большей степени, чем сами мужчины ожидают проявления женственности от супруги.

Таким образом, изменения коснулись не только реальных личностных особенностей современных мужчин и женщин, но и гендерных идеалов. Следствием эмансипации представителей обоих полов, как стремления освободиться от навязываемой и не устраивающей роли, можно считать модифицированные типы идеальных супругов. Локализация проявлений черт последних, независимо от их пола, четко определена: маскулинные черты более целесообразны за пределами семьи (работа, карьера, социальные достижения, доход), феминные – внутри нее (эмотивная, коммуникативная, воспитательная функции). Результаты нашего исследования, в том числе показывают, что возвращение к «эволюционным истокам» полоролевого поведения в настоящее время является временным явлением, срок которого определен границами решения репродуктивных задач (на физическом и духовном уровнях), требующих перераспределения зон ответственности супругов, в том числе, с учетом их биологического пола.

Список литературы

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. МГУ, 2009.- 120 с.

2. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003 - 544 с.
3. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. – 2-е изд., – М. : Академия, 2007. – 432 с.
4. Маленова А.Ю., Королева К.В. Психологический пол личности и его взаимосвязь с брачно-семейными установками на разных этапах семейных отношений // Вестник ОмГУ. Серия Психология. №1, 2015. С. 67-78.
5. Маленова А.Ю. Брачно-семейные установки молодежи на разных этапах семейных отношений: тенденции и перспективы // Психология отношений в постнеклассической парадигме: сб. ст. участников II Международной научно-практической конференции «Психология отношений в постнеклассической парадигме» (1–7 июня 2015 г.). / Филиал КузГТУ в г. Белово. – Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, Россия; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико-Тырново, Болгария, 2015. С. 69-77.
6. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. — СПб.: Питер, 2003. — 479 с.

Особенности психологической готовности к браку у девушек из неполных семей

Мошкович О.С. Гольменко А.Д.

Педагогический институт Иркутского государственного университета,

г. Иркутск, Россия

osm91@bk.ru; a.golmenko@mail.ru

В современных условиях расслоения общества семья как динамическое образование претерпевает определенные изменения, отражающиеся, прежде всего, на структуре и характере супружеских отношений. Возникают нарушения во внутрисемейном общении, учащаются кризисы семьи, растет неудовлетворенность

браком, изменяется стиль взаимодействия между родителями и детьми, что обусловлено психологической неготовностью к браку.

Анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме психологической готовности к браку показал, что в современном обществе происходит переосмысление отцовства. Различные научные школы (А.И. Захаров; Р.Скиннер, Д.Клииз и др.), приходят к похожим выводам: отец влияет на психическое развитие ребенка, способствуя формированию идентичности сына и дочери, их эмоциональному благополучию, когнитивному развитию [3],[8]. Отец является таким же важным и необходимым для ребенка человеком, как и мать.

В литературе можно выделить два подхода к определению сущности понятия – готовность к браку и семейной жизни. Представители первого подхода Б.М. Борлакова; Н.М.Галимова; Е.И.Зритнева; О.Ф.Ковалева; С.М.Питилин и др. настаивают на определении готовности молодых людей к семейной жизни до их вступления в брак, что является педагогически целесообразным [1],[2],[4],[5],[6]. Представители второго подхода (П.А. Решетов) ориентируются только по установлению конечного результата – успешности брака, гармонии межличностных отношений в семье, правильному воспитанию детей, но при таком подходе сложность заключается в отсутствии возможности оценить результаты подготовки, т.к. они отодвинуты во времени [7].

Теоретическое изучение проблемы и анализ практического опыта позволил сформулировать гипотезу, согласно которой можно предположить, что существуют психологические особенности готовности к браку у девушек из полных и неполных семей. Мы исходили из следующих допущений: что готовность к браку у девушек из неполных семей проявляется эмоциональной зрелостью, высоким интеллектуальным развитием, определенной жесткостью, мужественностью, недоверчивостью, подозрительностью. Девушки склонны к личной автономии, не считают родительство главной ценностью, и им характерно стремление к рождению ребенка вне брака, т.к. у них сформировано специфическое понимание роли отца.

Нами было проведено исследование, направленное на выявление особенностей психологической готовности к браку у девушек из полных и неполных семей. В

исследовании приняли участие 110 студенток иркутских вузов. В возрасте от 17 до 23 лет, 49 из которых воспитывались в неполных семьях, 61 – в полных.

Диагностика личностных особенностей девушек из полных и неполных семей осуществлялась с помощью методики 16PF Кеттелла, которая позволила определить ряд особенностей характера девушек. При помощи Висбаденского опросника к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии рассматривали сферу их межличностных, в первую очередь, семейных отношений. Представления девушек о значимости в семейной жизни родительских обязанностей, моральной и эмоциональной поддержки; представление девушек о желаемом распределении ролей позволил определить опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке».

В ходе исследования при помощи методики 16 PF было выявлено на уровне средних значений факторов, что у девушек, воспитывающихся в полных семьях, лучше выражены такие качества как: чувствительность, импульсивность, энтузиазм, эмоциональность. Они недостаточно самостоятельны, зависимые, доверчивые, женственные, нежные и им присуща высокая групповая зависимость. Девушки из неполных семей демонстрируют более высокий интеллект. Они эмоционально устойчивы, трезво оценивают действительность, активные, зрелые, независимые, агрессивные, упрямые. Как правило, они осторожные, серьезные, молчаливые. Им присуща сдержанность, застенчивость, предпочитают иметь 1-2 близких друзей. Девушки из неполных семей более мужественные, ответственные, сильные, не терпят бессмысленности. Отсутствие отца приводит к чувству вины, тревожности, депрессивности.

При помощи Висбаденского опросника к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии было выявлено на уровне средних баллов, что при вступлении в брак девушкам из полных семей присущи следующие особенности: дружелюбие, неспособность отказать. Они упорядоченно распределяют время, ищут общения, стремятся к близости с другими людьми, привязанности к ним. Семья, для них – целостная структура, а отношения между супругами – терпимые, открытые, внимательные. Девушкам из неполных семей при вступлении в брак характерны такие особенности, как недоверчивость, подозрительность, неуверенность. Отсутствие отца

приводит к отвержению, холодности, бесчувственности, равнодушию. Кроме того, они стремятся решать проблемы при помощи активной деятельности, углубления в учебу, работу, им характерно одиночество. Отношение к матери у них менее теплое, а к отцу – холодное, индифферентное, отверженное. Семью воспринимают как отчужденную, а отношение родителей к окружающему миру скорее замкнутым и нетерпимым.

По результатам опросника «Роль ожидания и притязания в браке» мы выявили на уровне средней оценки по шкале, что для девушек из полных семей характерна общность интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения от своих супругов. Они придают большое значение роли матери и отца, считают родительство основной ценностью, концентрирующей вокруг себя жизнь семьи. Для девушек важна не только собственная внешняя привлекательность, но и привлекательность партнера. Девушки из неполных семей стремятся к большей личной автономии. Они не считают родительство главной ценностью, брак, по их мнению, не способствует психологической разрядке и стабилизации.

В ходе контент-анализа мы выявили, что, девушки из полных семей считают, что отец должен принимать активное участие в воспитании девочки, которое заключается в помощи с учебой, чувстве защищенности и спокойствия. Благодаря отцу, девушки приобрели такие качества как: доброта, умение постоять за себя, уверенность в себе, целеустремленность, ответственность, умение общаться с противоположным полом. Для них отец является эталоном будущего мужа, эталоном мужественности. Своего избранника девушки хотели бы видеть любящим семью, добрым, похожим на отца, верным, защитником семьи, мужественным, надежным. Отношения между супругами должны быть доверительными, гармоничными, искренними. Идеальный брак для девушек из полных семей заключается в совместном отдыхе, это брак по любви.

Девушки из неполных семей своего будущего избранника для создания семьи видят добрым, верным, заботливым, любящим, мужественным. Некоторые девушки отметили, что не хотят замуж. Отношения между супругами должны быть доверительными, дружескими, свободными, равноправными, основанными на любви. Идеальный брак для девушек из неполных семей – это крепкая дружная семья, брак без обязательств. Некоторые девушки отметили под идеальным браком – отношение мужа как к дочери,

считают, что супруги должны быть, прежде всего, друзьями. Они предпочитают родить для себя и хотят жить одной.

В результате выполненного нами научного исследования выявлено, что при сравнении готовности девушек к браку из полных и неполных семей существуют значимые особенности. Так, у девушек из неполных семей выражена эмоциональная зрелость, высокое интеллектуальное развитие, определенная жесткость, мужественность, недоверчивость, подозрительность. Девушки склонны к личной автономии, не считают родительство главной ценностью, и им характерно стремление к рождению ребенка вне брака, т.к. у них сформировано специфическое понимание роли отца. Выявленные особенности позволили нам выйти на разработку программы по формированию женственности, мягкости, большей эмоциональности, доверия к окружающим. Также необходима коррекция жесткости, тревожности, агрессивности. Девушкам из неполных семей необходимо осознать, что семья способствует психологической разрядке и партнеры должны идентифицировать себя друг с другом (гендерная идентичность).

Список литературы

1. Борлакова, Б.М. Формирование у старшеклассников потребности в создании семьи и воспитании детей: автореф. дис. канд. пед. наук / Борлакова Б.М. – Карачаевск, 1999.
2. Галимова, Н.М. Подготовка умственно отсталых старшеклассников к будущей семейной жизни: дис. канд. пед. наук. – М., 2000.
3. Захаров, А.И. Предпосылки патогенетически обоснованной семейной психотерапии детей с невротическими расстройствами//Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях.— Л., 1978. - С. 75 – 86.
4. Зритнева, Е.И. Формирование готовности старшеклассников к браку и семейной жизни: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.01. Ставрополь, 2000.
5. Ковалева, О.Ф. К вопросу о готовности студенческой молодежи к семейной жизни и родительству: Материалы третьей Международной конференции «Психологические проблемы современной семьи», в 2-х частях. Часть 1. Под общей ред. канд. псих. наук Лидерса А.Г., М., 2007.

6. Питилин, С.М. Формирование готовности студентов к созданию семьи: дис. канд. пед. наук: 13.00.08. Астрахань, 2005.
7. Решетов, П.А. Педагогические условия совершенствования подготовки студентов вузов к семейной жизни: дис. канд. пед. наук: 13.00.08. Москва, 2004.
8. Скиннер, Р., Клииз, Д. Семья и как в ней уцелеть/ Перев. с англ. Н.М. Падалко. - М.: Независимая фирма "Класс", 1995.

Психологическая готовность юношей к браку

Музыченко А.В., Каленик Е.В

БГПУ, г. Минск, Беларусь

Ключевые слова: готовность к браку, составляющие психологической готовности к браку, ранняя и поздняя юность

Проблема изучения психологической готовности к браку представляет интерес как феномен, интегрирующий в себе задачи возрастного и личностного развития, социализации и воспитания молодежи, отражающий особенности социальной ситуации развития нового поколения в конкретных культурно-исторических условиях. При множественности контекстов, задающих содержательную наполненность психологической готовности к браку, родовым понятием выступает психологическая готовность личности. Появившись в экспериментальной психологии, понятие было перенесено в сферу педагогических и социально-психологических исследований. В отличие от установки психологическая готовность предполагает развитие субъекта деятельности и ориентировочной основы той деятельности, формирование готовности к которой рассматривается. Как личностное образование характеризуется иерархичностью и координируемостью, которые обеспечивают вариативность поведения личности, относительное свободное полагание себя в ситуациях межличностного взаимодействия.

Вступление в брак (с греческого как производное от глагола брать) предполагает принятие человеком обязательств перед собой, другим и обществом. Психологическая готовность к браку как личностное новообразование связано с такими психологическими новообразованиями, как готовность к самоопределению: жизненному и профессиональному. Нерешенность задач развития каждого возрастного периода создает кумулятивный эффект и препятствует решению задач следующих возрастных периодов. В зависимости от потребностей, которые осознанно или неосознанно стремится удовлетворить человек, желая вступить в брак, от целей и вкладываемого смысла, содержательные аспекты брака могут смещаться в акцентах: на сексуальные отношения, ценность социального статуса и круга общения, родительство, хобби и образ жизни и т.п.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что молодые люди принимают решение о вступлении в брак необдуманно, не осознавая принимаемой на себя ответственности, не научившись эффективно обращаться с партнером. Подтверждением тому является статистика разводов. Современные тенденции технократизации, демократизации, эмансипации, индивидуализации и др. вносят изменение отношения молодежи к роли семьи и брака в жизни человека. Возникает больше сомнений: вступать ли в брак, создавать ли семью? Часто они предпочитают решать вначале свои профессиональные проблемы, откладывая семейную жизнь на «потом». Возможно, при тенденции инфантилизации и недостаточной личностной и социальной зрелости, так интуитивно продлевается период взросления. Как альтернатива традиционному браку появились новые формы отношений и виды браков (гостевой брак, «гражданский» брак, брак на время и т.д.). Трансформировалась и сама семья как социальный институт. Изменилась иерархия функций, которые выполняет семья и каждый ее член, на первый план вышли психологическая и воспитательная, обеспечивающие гармонию семейных взаимоотношений.

В современных исследованиях наиболее раскрыта проблема изучения готовности к браку среди девушек. У девушек более традиционное представление о браке, о семье, и чтобы уловить тенденции социокультурных изменений по данной проблеме, целесообразным явилось изучение именно юношей. Цель исследования состояла в том,

чтобы охарактеризовать психологическую готовность к браку у юношей. Объектом исследования выступила психологическая готовность к браку, предметом – особенности психологической готовности к браку в ранней и поздней юности. Гипотеза состояла в том, что существуют значимые различия в уровне и особенностях развития структурных компонентов психологической готовности к браку у молодых людей в ранней и поздней юности. Методологической основой исследования выступили: положения о социокультурной детерминации развития личности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), концепция отношений (В.Н. Мясищев), концепции подготовки молодежи к браку (Ю.Е. Алешина, И.В. Гребенников [1], И.М. Желдак, В.И. Зацепин, А.Н. Сизанов [2], В.А. Слостенин и др.).

Эмпирической базой исследования являлся «Минский государственный колледж электроники». В исследовании в 2013 году приняли учащиеся 1 и 3 курсов колледжа, в количестве 80 человек. Обращая внимание на современную тенденцию возросших нравственно-психологических требований супругов друг к другу, акцент сделан на ценностно-ориентационную и эмоциональную составляющую готовности к браку. Испытуемым были предложены методики «Ценностные ориентации» (М. Рокич), «Диагностика уровня эмпатийных способностей» (В.В. Бойко), «Исследование семейных установок» (А.Н. Сизанов). Обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью методов описательной статистики, корреляционного анализа Спирмена, критерия Манна-Уитни.

И.Ю. Зудилина [3] рассматривает психологическую готовность к браку как интегральную характеристику, объединяющую психологические мотивы, знания, умения, навыки и качества личности, которые обеспечивают построение отношений супругов в браке и выражены в когнитивном, мотивационном, операциональном, эмоциональном и поведенческом компонентах. Поэтому в программе подготовки студентов к брачным отношениям она ставит следующие задачи: формирование системы знаний и представлений о предназначении семьи и брака, их функционировании, роли в человеческом общении и жизни каждой отдельной личности, мотивов, направленных на создание и сохранение брака; формирование системы практических умений, навыков и

качеств личности, необходимых для общения и взаимодействия с партнером; развитие самосознания студентов.

А.Н. Сизанов в более широкое понятие «готовность к семейной жизни» включает социально-нравственную, мотивационную, психологическую и педагогическую готовность, а также, сексуальную.

Несмотря на разнообразие позиций о составляющих психологической готовности к браку, ряд исследователей (Т.В. Андреева, И.В. Гребенников, В.А. Сысенко) приходят к согласию относительно ступеней этой готовности: физическая зрелость, социальная зрелость, этико-психологическая готовность к браку. Эта логика развития психологической готовности является общей закономерностью возрастного развития – от кризиса пубертатного периода до становления нравственного сознания в юности и требовательного поиска родственной души. После переживания изменений физического Я, достижения определенного статуса в системе межличностных отношений сверстников и старших, обнаружив временную перспективу будущего и интерес к мировоззренческим вопросам, юноша решает задачи самоопределения. Поэтому в комплекс психодиагностических методик были отобраны те, которые позволяют выявить приоритеты в терминальных и инструментальных ценностях, установки на брак и семейную жизнь, а также развитость эмоциональной сферы через проявление эмпатийных способностей. Уровень эмпатийных способностей выше, как правило, у девушек. Однако при различиях в параметрах структуры эмпатии юношей и девушек, эмпатийная способность является необходимой во взаимопонимании.

Анализируя результаты эмпирического исследования, следует отметить, что в ранней и поздней юности выявлен средний общий уровень развития эмпатии. Однако, у первокурсников колледжа по сравнению с третьекурсниками статистически значимо отличаются показатели эмоциональной эмпатии ($U=465$ при $p=0,001$), интуитивной ($U=594,5$ при $p=0,043$) и общего ее уровня ($U=517$ при $p=0,06$). Возможно, в этот возрастной период динамично изменяются гендерные характеристики личности, эмоциональная юношеская дружба уступает задачам профессиональных достижений. При этом из всех показателей структуры эмпатийной способности у юношей преобладает рациональный канал эмпатии, проникающая способность как

коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Если в ранней юности преобладает интуитивный канал эмпатии, то в поздней – формируются установки, способствующие или препятствующие эмпатии. Развитость идентификации в ранней и поздней юности у учащихся колледжа находится на среднем уровне.

При ранжировании ценностей юношами одно из первых мест заняла ценность «здоровье», как первокурсников, так и третьекурсников (среднее значение 4,125 и 4,7 соответственно), что составляет современную тенденцию ценностных ориентаций молодежи, и, возможно, эта ценностная ориентация усиливает свою значимость в условиях обучения в одной группе с ровесниками-инвалидами, что имело место при исследовании. Далее следуют ценности «наличие хороших и верных друзей» (5,025 и 5,475), «любовь» (7,075 и 6,45), «интересная работа» (6,925 и 7,7), «материально обеспеченная жизнь» (8,05 и 7,7).

Менее всего учащиеся колледжа, особенно первокурсники, ценят в жизни «творчество» (среднее значение 13,474, у учащихся третьего курса – 12,35). Также к мало значимым относятся отвлеченная ценность «красота природы и искусства» (12,375 и 12,075), «счастье других» (11 и 13,725), что отражает как снижение общего уровня художественно-эстетического развития и просоциальной направленности, так и специфику профиля профессиональной подготовки.

По уровню значимости ценность «счастливая семейная жизнь» для парней в поздней юности значительно превосходят показатели в ранней юности (среднее значение 7,7 и 11,075 соответственно).

В иерархии среди терминальных ценностей промежуточное положение заняли ценности «активная деятельная жизнь», свобода», «жизненная мудрость», «уверенность в себе», «познание», «общественное признание», «развитие», «удовольствия», «продуктивная жизнь».

Из инструментальных ценностей в ранней юности более значимой оказалась «воспитанность» (среднее значение 5,175), а в поздней юности – «жизнерадостность» (среднее значение 4,974) как предпочтительные в любой жизненной ситуации. Далее

следуют: «аккуратность» (6,275 и 6,225 соответственно ранней и поздней юности), «независимость» (6,9 и 6,575).

Менее всего в ранней юности учащиеся склонны ценить «честность» (13,2, в поздней юности – 10,8), «эффективность в делах» (12,825, в поздней юности – 12,05). Это связано с тем, что они еще не начали свою профессиональную карьеру, и не считают эту сферу жизни значимой для себя в настоящее время; больше погружены в учебную деятельность. Интересно, что следующим по уровню отвержения является такая ценность как «твердая воля» (среднее значение 12,625 и 10,85). Возможно, специфика профессиональной подготовки и ситуация в обществе не задает таких ориентиров. Что подтверждается незначимостью ценности «непримиримость к недостаткам в себе и других» (11,875 и 12), Отказываясь от непримиримости в отношениях, юноши все же далеки от понимания важности «терпимости» (12,9 и 11,675), «широты взглядов» (12,125 и 11,4), «чуткости» (11,55 и 11,325), что необходимо в выстраивании супружеских взаимоотношений.

Промежуточное положение в иерархии инструментальных ценностей заняли «высокие запросы», «исполнительность», «ответственность», «образованность», «смелость в отстаивании своего мнения», «рационализм», «самоконтроль».

С помощью методики «Исследование семейных установок» выявлялись следующие аспекты психологической готовности к браку: отношение к людям (позитивность); альтернатива между чувством долга и удовольствием; отношение к детям (значение детей в жизни для человека); ориентация на преимущественно совместную или преимущественно раздельную деятельность; отношение к разводу; отношение к любви романтического типа; оценка значения сексуальной сферы в семейной жизни; отношение к «запретности секса», «представление о запретности сексуальной темы»; отношение к патриархальному или эгалитарному устройству семьи (ориентация на традиционные представления); отношение к деньгам (легкость трат или бережливость).

В структуре семейных установок можно отметить выраженный интерес к теме развода. В ранней юности отношение к разводу более лояльное, чем в поздней юности (средние значения шкал 1,98 и 2,54 соответственно). Наименьший интерес в ранней юности вызвали вопросы о значении сексуальной сферы в семейной жизни (1,74), в

поздней юности на последнем месте оказалась установка по отношению к людям (2,20), однако по сравнению с ранней юностью (1,78) у них более позитивное, оптимистическое представление о людях в целом.

В поздней юности более выражена ориентация на долг, по сравнению с ориентацией на удовольствие в ранней юности. В поздней юности более выражены установки на любовь романтического типа (в среднем 2,4 и 1,8 соответственно).

Сексуальная тема не является запретной как в ранней юности, так и в поздней (в среднем 1,8 и 2,38 соответственно). В поздней юности более традиционные представления об устройстве семьи (среднее значение 2,38), чем в ранней юности (1,78), учащиеся колледжа склоняются скорее к ее эгалитарному устройству. В поздней юности более бережное отношение к деньгам, чем в ранней юности.

Обращаясь к описательной статистике, можно увидеть, что наибольший разброс в ранней юности имеют установки по отношению к любви романтического типа (диапазон от 0,50 до 3,70), что говорит о большом разнообразии мнений по этому вопросу, поэтому нельзя с достаточной уверенностью заключить о значимости данного показателя в семейной жизни. Наименьший разброс имеют установки по отношению к людям (диапазон от 0,50 до 2,50).

В поздней юности наибольший разброс имеют показатели значения сексуальной сферы в семейной жизни (диапазон от 1,50 до 3,70), что также говорит о большом количестве отличающихся мнений и затрудняет сделать однозначный вывод о значимости данного вопроса в семейной жизни. Наименьший разброс имеют установки по отношению к людям, как и в ранней юности (диапазон от 2,00 до 3,00).

Статистически доказана значимость различий по всем шкалам семейных установок (с использованием U-критерия Манна-Уитни, при $p \leq 0,001$), что свидетельствует о целесообразности выделения в юношеском возрасте двух периодов: ранняя и поздняя юность. Так, с возрастом меняются ценности, установки молодых людей. К периоду поздней юности накапливается моральный и жизненный опыт, изменяется социальное положение – необходимые для создания семьи. Процесс формирования системы ценностных ориентаций стимулируется значительным расширением общения, столкновением с многообразием форм поведения, взглядов, идеалов.

Полученные данные в общей логике возрастного развития согласуются с выводами С.В. Жолудевой [4], исследовавшей психологическую готовность к браку на разных этапах периода взрослости и влияние опыта совместного проживания на развитие компонентов психологической готовности к браку. Она в заключении отмечает, что «в поздней юности (17-21 год) только начинают дифференцироваться понятие брака, образ брачного партнера и себя как будущего мужа (жены). Этот возраст характеризуется смешанными установками, что касается вопросов брака, построения отношений с партнером (распределение ролей, главенства и т.д.) и воспитания детей. Нет четкой доминирующей мотивации к заключению брака. Партнер рассматривается, прежде всего, как партнер для общения. Молодость (21-40 лет) характеризуется высоким уровнем психологической готовности к браку. В этот период формируются представления о супружеских отношениях, о партнере не только для общения, но и для построения семьи. Большое внимание уделяется отношениям между супругами и их эмоционально-психотерапевтическим связям. Доминирующей мотивацией является мотивация на определенного человека. Этот период можно охарактеризовать как лояльный по отношению к партнеру, т.к. партнер для общения превращается в партнера для брака и с ним строятся брачные отношения». Вместе с тем, С.В. Жолудева указывает на не линейность повышения уровня психологической готовности к браку, а качественное ее своеобразие в возрастных тенденциях.

Для того, чтобы проанализировать особенности структуры психологической готовности юношей колледжа, выявлялись взаимосвязи ее компонентов с помощью метода ранговой корреляции.

В ранней юности выявлена положительная корреляционная связь между переменными «рациональная эмпатия» и «общественное признание» ($r=0,515$, при $p \leq 0,01$), это отражает особенности завоевания уважения окружающих. Связь между общественным признанием и исполнительностью ($r=0,413$, при $p \leq 0,01$) объясняется тем, что в ранней юности уважением и общественным признанием пользуется те юноши, которые более дисциплинированы, исполнительны. Отрицательная корреляционная связь наблюдается между переменными удовольствие и самоконтроль ($r=-0,432$, при $p \leq 0,01$). Юноши, предпочитаемые приятное, необременительное времяпрепровождение,

привыкшие ни в чем себе не отказывать, не умеют в достаточной степени вовремя остановиться, они характеризуются несдержанностью и низким уровнем развития самодисциплины.

Рассматривая положительную связь между позитивным отношением к людям и альтернативой между чувством долга и удовольствием ($r=0,706$, при $p \leq 0,01$) можно сказать, что в ранней юности, молодые люди, позитивно воспринимающие окружающих более ориентированы на долг, чем на удовольствие. Альтернатива между чувством долга и удовольствием положительно связана и с отношением к детям. У них уже сформировано представление о том, что находясь в браке, существуют обязательства перед семьей, перед детьми и это важнее, чем приятное, необременительное времяпрепровождение, без всяких обязательств. Положительная корреляционная связь между отношением к детям и отношением к разводу ($r=0,654$, при $p \leq 0,01$) характеризуется тем, что если дети имеют большое значение в установках юноши, тогда он будет менее лояльно относиться к разводам, считая, что ребенку будет гораздо лучше расти в полной семье.

Отношение к любви романтического типа и ценность «любовь» имеет отрицательную корреляцию ($r=-0,422$, при $p \leq 0,01$), а отношение к любви романтического типа и значения сексуальной сферы в семейной жизни – положительную корреляцию ($r=0,708$, при $p \leq 0,01$), что отражает конфликт духовного и чувственного. Это может быть связано с тем, что в ранней юности романтические отношения не всегда являются показателем любви, скорее это теплые, трепетные отношения к партнеру, в данном возрасте юношам достаточно трудно признаться в своих чувствах.

Отрицательная связь между наличием хороших и верных друзей и продуктивной жизнью ($r=-0,447$, при $p \leq 0,01$) объясняется тем, что дружба является важнейшим видом эмоциональной привязанности и межличностных отношений юношеского возраста. Общение со сверстниками выходит на передний план, а остальные жизненные ценности остаются позади, поэтому в данном возрасте дружба может препятствовать максимально полному использованию своих возможностей, сил и способностей в построении карьеры.

Рассматривая корреляционные связи между компонентами психологической готовности к браку в поздней юности, можно отметить следующее. Отрицательные корреляционные связи переменной «отношение к деньгам» с такими переменными как «свобода» и «независимость» ($r=-0,541$, $r=-0,481$, при $p\leq 0,01$ соответственно) объясняются тем, что в поздней юности молодые люди становятся более независимыми, самостоятельными. Они способны действовать решительно, их суждения и поступки независимы от кого-либо, они не привыкли следить за бюджетом, бережно относиться к деньгам. В поздней юности большинство молодых людей уже имеют работу, у них нет финансовой зависимости от родителей, поэтому они считают возможным легко тратить деньги.

В поздней юности установлена положительная связь между ценностями «активная деятельная жизнь» и «жизненная мудрость» ($r=0,416$, при $p\leq 0,01$). Юноши, живущие полной эмоционально-насыщенной жизнью, более зрелы в своих суждениях, т.к. они разносторонне развиты, у них накоплен богатый жизненный опыт. Ценности «счастливая семейная жизнь» и «непримиримость к недостаткам в себе и других» имеют отрицательную корреляцию ($r=-0,410$, при $p\leq 0,01$). В семейной жизни большое значение имеет умение подстроиться под своего партнера, принимать его недостатки, без этого семейная жизнь превратится в постоянные упреки, претензии друг к другу. В поздней юности молодые люди отмечают, что семейная жизнь не будет счастливой, если в ней присутствует непримиримость к недостаткам партнера по жизни.

Инструментальные ценности «жизнерадостность» и «самоконтроль» имеют отрицательную корреляцию ($r=-0,543$, при $p\leq 0,01$), тогда как «высокие запросы» и «непримиримость к недостаткам в себе и других» – положительную ($r=0,472$, при $p\leq 0,01$), что характеризует учащихся колледжа в поздней юности как сформировавшихся личностей с своими приоритетами и значительным максимализмом. Однако, определенный конфликт отборе и поиске инструментальных ценностей отражают отрицательные корреляции «жизнерадостности» и «эффективности» ($r=-0,406$, при $p\leq 0,01$), «исполнительности» и «честности» ($r=-0,567$, при $p\leq 0,01$), «исполнительности» и «твердой воли» ($r=-0,470$, при $p\leq 0,01$), «аккуратности» и «рационализма» ($r=-0,482$,

при $p \leq 0,01$). Самоопределение в инструментальных ценностях возможно обусловлено спецификой их будущей профессии (типа «человек–техника»).

На повышение осознанности и ответственности брачных отношений указывает слабая взаимосвязь установки отношения к детям и ценности «образованность» ($r=0,332$, при $p \leq 0,05$), отношения к деньгам и ценности «аккуратность» ($r=0,341$, при $p \leq 0,05$), ценностей «активная деятельная жизнь» и «счастливая семейная жизнь» ($r=-0,353$, при $p \leq 0,05$) и др.

Таким образом, проведенное исследование психологической готовности юношей к браку на примере учащихся колледжа электроники позволило охарактеризовать ее особенности в ранней и поздней юности. К периоду поздней юности у парней снижается эмоциональность, интуитивность в понимании другого человека, приобретают устойчивость установки к семье и браку, в структуре превалирует рациональный канал эмпатии при общем среднем уровне развития эмпатийных способностей.

При планировании и разработке программ подготовки молодых людей к браку, результаты данного исследования помогут правильно расставить акценты в просвещении, учитывая юношеский возраст и социально-экономическую ситуацию. Интерес к теме развода выступает преобладающий в совокупности установок к семье и браку, вероятно, как напряженная проблема многих семей и показатель неготовности к браку, неверного самоопределения. В поздней юности увеличивается количество традиционных установок к семье и браку, что демонстрирует необходимую социализацию и податливость возраста к закреплению стереотипов восприятия будущего брачного партнера и семейных ценностей. Следовательно, период юности особенно значим для реализации психолого-педагогических программ подготовки к браку и семейной жизни, которые необходимо разрабатывать с учетом психологических особенностей готовности к браку в ранней и поздней юности. Содержательный анализ разнообразных программ данной проблематики, позволил наметить перспективу дальнейшего исследования. Значимым является выявление стрессоров в ситуации накопления опыта межличностных отношений с представителями противоположного пола, поиск конструктивных путей разрешения конфликтов, планирование задач саморазвития. Построение личной жизненной перспективы, по аналогии с

профессиональной, может задавать примерку готовности к браку и выявлять ориентировку в информационной основе необходимых компетенций. Вместе с тем, видится необходимым предостережение от «программирования» супружеской и семейной жизни, сохраняя ценность непосредственности и открытости, искренности и терпимости во взаимодействии. Принятие ценностей самоактуализации личности является общим ориентиром построения такой программы.

Список литературы

1. Гребенников, И.В. Основы семейной жизни: учебное пособие для педагогических институтов / И.В. Гребенников. – М.: Просвещение, 1991. – 156 с.
2. Сизанов, А.Н. Здоровье и семья: психологический портрет / А.Н. Сизанов. – Беларусь, 2008. – 325с.
3. Жолудева, С.В. Психологическая готовность к браку на разных этапах периода взрослости: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / С.В. Жолудева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 21 с.
4. Зудилина, И. Ю. Формирование психологической готовности студентов к брачным отношениям : Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / И.Ю. Зудилина. – Самарский государственный педагогический университет, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uchebana5.ru/cont/2983033-pall.html>. – Дата доступа: 28.08.2015.

Проявление тенденций копинг-поведения в образе семьи юношей и девушек

Плотникова В.Ю.

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

viktori19-89@yandex.ru

Аннотация. Окружающая среда является достаточно агрессивной средой для молодого поколения. Социум требует от юношей и девушек не только успешного

существования, но способности подпитывать свою успешность. Все это является достаточно стрессогенным фактором жизни. Поэтому жизненно необходимо вырабатывать конструктивное копинг-поведение. Данная статья посвящена исследованию образа семьи и копинг-поведению как части межличностных взаимоотношений.

Ключевые слова: семья, образ семьи, межпоколенная связь, копинг-поведение.

Семья – это малая социальная группа общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т. е. на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство (Шнейдер, 2003). По нашему мнению, семья это не только малая социальная группа, объединенная родством, но и динамический живой организм, который функционирует согласно специфическим законам. Здоровье и благополучие семейного организма зависит от многих факторов, в частности от тенденции копинг поведения.

В ситуации создания семьи молодыми людьми происходит столкновение двух воспитательных семейных систем, мировоззренческих картин и способов совладения со стрессовыми ситуациями. Чаще всего в сложной жизненной ситуации индивиды склонны выбирать копинг-стратегии, характерные для родительской и прародительской семей. Не секрет, что молодое поколение, начиная с младенчества, усваивает модели поведения родителей, в силу возраста ребенок, а в будущем семьянин не может критически оценивать правильность или неправильность поведения родителей. Корректировку деструктивных семейных сценариев в дальнейшем осуществляет социум.

То, каким образом каждая личность реагирует на стрессовые ситуации и справляется с жизненными трудностями, в частности, с трудностями в семье, зависит от семейных примеров копинг-поведения. Не последнюю роль в этом процессе играет межпоколенная связь. Она является сложным феноменом, который активно изучается психологами. То, насколько члены семьи близки друг другу, детерминирует их коллективную стрессоустойчивость. Другими словами, стрессовая ситуация может их

разобщать и делать уязвимыми или сплачивать и делать жизнестойкими. Неоспоримым фактом является то, что с одной стороны, связь между поколениями необходима для нормального функционирования и развития общества. С другой стороны, прогрессивное развитие общества невозможно без отказа или замены «старого» на «новое» (Введение в практическую социальную психологию, 1999).

Касаясь вопроса образа семьи в юношеском возрасте, следует отметить, что ближайшее окружение оказывает сильное развивающее и модифицирующее воздействие на развитие образа семьи в юношеском возрасте. Н.А. Круглова считает, что семья является той средой, в которой ребенок в первые годы жизни осознанно или неосознанно вовлекается в семейные взаимоотношения и идентифицирует наиболее приемлемые для себя сценарии поведения. В семье ребенок усваивает нормы и правила поведения, получая вербальные или невербальные оценки своих действий. Представление об особенностях семейных взаимоотношений связано с формирующимся образом семьи. Сначала образ семьи определяется теми признаками идеальной семьи, которые транслируются ребенку посредством детских рассказов и сказок, мультфильмов, слов и реакций взрослых, затем уже с возрастом на первый план выходят рефлексивные процессы. Собственные семейные взаимоотношения могут соответствовать образу идеальной семьи, а могут и противоречить, но до подросткового, а впоследствии и юношеского возраста, ребенок этого не осознает, считая свою семью идеальной. По мере взросления ребенок начинает осознавать особенности отношений в своей семье и их соотношение с тем образом идеальной семьи, который был бы предпочтительнее (Круглова, 2006). Под воздействием группы сверстников и социума идеальный образ семьи шлифуется и оформляется.

В процессе семейной жизни человек сталкивается со многими стрессами и совпадающее поведение играет очень большую роль. Копинг поведение – форма поведения, проявляющаяся в готовности индивида решать жизненные проблемы. Представляет собой поведение, направленное на приспособление к обстоятельствам (Психологический словарь, 1990). В системе факторов совладающего поведения особо выделяется сфера отношений личности. Близкие отношения в процессе копинга обеспечивают субъекту рефлексивную почву и возможности для конструктивного

саморегулирования, т.е., выбора копинг-стратегий. Особая ценность близких взаимоотношений заключается их включенном влиянии на психическое развитие личности и на развитие системы копинг поведения.

Принимая во внимание тот факт, что детско-родительские отношения являются условиями становления и развития системы совладающего поведения детей, логично предположить, что совладающее поведение родителей представляет собой модель поведения, которая воспринимается не критически. Идентификация является основным механизмом, лежащим в основе, приобретения социального опыта. В процессе передачи и усвоения опыта совладающего поведения участвуют все типы идентификации. Пути передачи родительских копинг стратегий через механизм идентификации различны:

1. Может возникнуть ситуация в которой родитель отождествляя себя с ребенком, воспринимает его трудности как свои собственные и сам совладевает с ними, демонстрируя ребенку образцы копинга; Иной путь представляется в том случае, если родитель отождествляет ребенка с собой, приписывая ему собственные черты и фиксирует внимание ребенка на своих действиях и предлагает ему использовать те же самые стратегии копинга.

2. Наиболее конструктивным путем, по нашему мнению, является тот, когда родитель, желая понять переживания ребенка, «ставит себя на его место», предлагает свою помощь, опираясь при этом на собственный опыт совладания (Сапоровская, 2012).

Д. Боумбрин, изучая родительский контроль и эмоциональное принятие, пришел к выводу о том, что:

- 1) наличие в родительском отношении контроля, требовательности к социальной зрелости и эмоционального принятия способствует формированию у ребенка стремления к исследованию, а не избеганию фрустрационных ситуаций;
- 2) более контролирующее и требовательное, но менее теплое отношение родителей способствует формированию у ребенка стремления избегать

трудных ситуации;

- 3) неприятие ребенка и неспособность к контролю детского поведения в силу эмоциональной незрелости родителей, опосредует у ребенка реакции отказа от фрустрационных ситуаций (Сапоровская, 2012).

Особенно актуальными являются современные исследования копинга в семьях состоящих из трех поколений потому, что молодое поколение формируют и воспитывают не только родители, но и ближайшие кровные родственники. В современном обществе чаще всего молодое поколение предпочитает самостоятельное проживание и построение семейных взаимоотношений. В тех случаях, если молодая семья вынуждена жить с родителями и/или прародителями, на первый план выходит материальная зависимость и неустойчивость молодых семей. Столкновение идентификационных семейных паттернов и сценариев трех поколений провоцирует конфликты, которые стрессируют членов семьи и заставляют выявлять наиболее типичные копинг-стратегии.

Исследование Т.Л. Крюковой и М.В. Сапоровской посвященное копингу в российских семьях, в частности совладанию с изменой партнера показало, что в диадическом совладании с ситуацией измены преобладает конфликтный стиль, уход в собственные переживания и интересы. В данной ситуации больше помогает индивидуальный копинг, так как совместные усилия супругов исключаются из арсенала стратегий. Индивидуальные и групповые копинг-стратегии слабо взаимодействуют между собой у партнеров в ситуации измены. Хотя надо признать, что групповой копинг может включать в себя способность и попытку понять в стрессовой ситуации аффективный мир другого человека и это понимание разделить (Крюкова, 2014).

Что касается передачи копинг-стратегий из поколения в поколение, то в условиях эмоционального отвержения родителями ребенка, непоследовательности стиля воспитания у ребенка младшего школьного возраста формируются такие деструктивные состояния и характеристики как: тревожность, эмоциональное напряжение, нередко проявляющееся в страхах, недостаток социальной нормативности, выражающийся в негативизме.

Е.В. Куфтяк в своем исследовании показала, что дети из семей, в которых регулярно используют физические наказания как воспитательный метод, совладают с жизненными трудностями, сочетая копинг-стратегии, направленные на проявление деструктивной эмоциональной экспрессии и поиск социальной поддержки. Ситуации, когда человек начинает выстраивать собственную семью и проявлять подобные деструктивные стратегии, могут провоцировать распад взаимоотношений.

Изучая дисфункциональные семьи, Т.В. Гущина выявила особенности совладающего поведения детей разных возрастов, связанные с деструктивностью материнского отношения к ним. В условиях хронической потребности в любви и принятии, дети-дошкольники предпочитают социально неодобряемые стратегии эмоциональной разрядки, направленные на восстановление физических сил. Младшие школьники оказываются наиболее уязвимыми к стрессу и совладают только с помощью деструктивных способов копинга, опять таки предпочитая деструктивные и социально неодобряемые стратегии. В подростковом возрасте использование деструктивных копинг-стратегий приводит к формированию устойчивой системы девиантного поведения личности (Сапоровская, 2012). Вслед за Т.В. Гущиной мы можем предположить, что в юношеском возрасте при отсутствии регулярной рефлексии или продолжении фрустрирующих отношений с родителями подобные деструктивные стратегии закрепляются и неосознанно транслируются на взаимоотношения с окружающими.

Более сложным совладающее поведение родителей и детей младшего раскрывается в условно благополучных семьях. Матери в таких семьях чаще предпочитают стратегии проблемно-ориентированного копинга, положительную переоценку происходящего и социальную поддержку. Отцы, в свою очередь, выбирают различные стратегии проблемно-ориентированного копинга (планирование, самоконтроль, принятие на себя ответственности) и копинг, ориентированный на получение социальной поддержки. Как видно родители в таких семьях склонны к кооперации в процессе совладания.

Копинг-поведение может быть как конструктивным, так и деструктивным. По мнению М.В. Сапоровской, совладающее поведение может быть эффективным и конструктивным. В том случае, если человек справляется с трудной ситуацией, не растрчивая при этом весь потенциал копинг-ресурсов, проявляя стрессоустойчивость, проявляется конструктивное преодоление. Эффективным, но деструктивным копингом является ситуация, когда для совладания человеку требуются психоактивные вещества. И деструктивный копинг проявляется в тех случаях, когда человек не справляется с травмирующей ситуацией, не приобретает конструктивного опыта и находится в состоянии повышения уровня невротизации.

По нашему мнению, в вопросах семьи копинг-поведение тоже бывает конструктивным и деструктивным. Конструктивность копинг-поведения в образе семьи проявляется в стремлении к сотрудничеству, компромиссу, взаимответственности членов семьи. Деструктивность совладания может проявляться в желании переложить ответственность на другого, эгоизме, взаимных упреках.

В нашем исследовании приняли участие 212 респондентов: 130 студентов Воронежского государственного университета и 82 студента Воронежского колледжа «Номос». Возраст участников 18-20 лет. Исследование копинг-поведения в рамках образа семьи осуществлялось с помощью проективной методики (сочинение «Моя будущая семья»).

По результатам исследования (рис. 1), многие студенты колледжа показывают деструктивное копинг-поведение, а именно: 7,5% юношей и 27,7% девушек. Конструктивное копинг-поведение показали 0,9% юношей и 2,5% девушек-студентов колледжа. Среди студентов университета наблюдается похожая тенденция, большинство девушек (24,9%) и юношей (24,4%) отмечают деструктивное копинг-поведение. Конструктивное копинг-поведение отмечено у 8,9% девушек и 3,0% юношей.

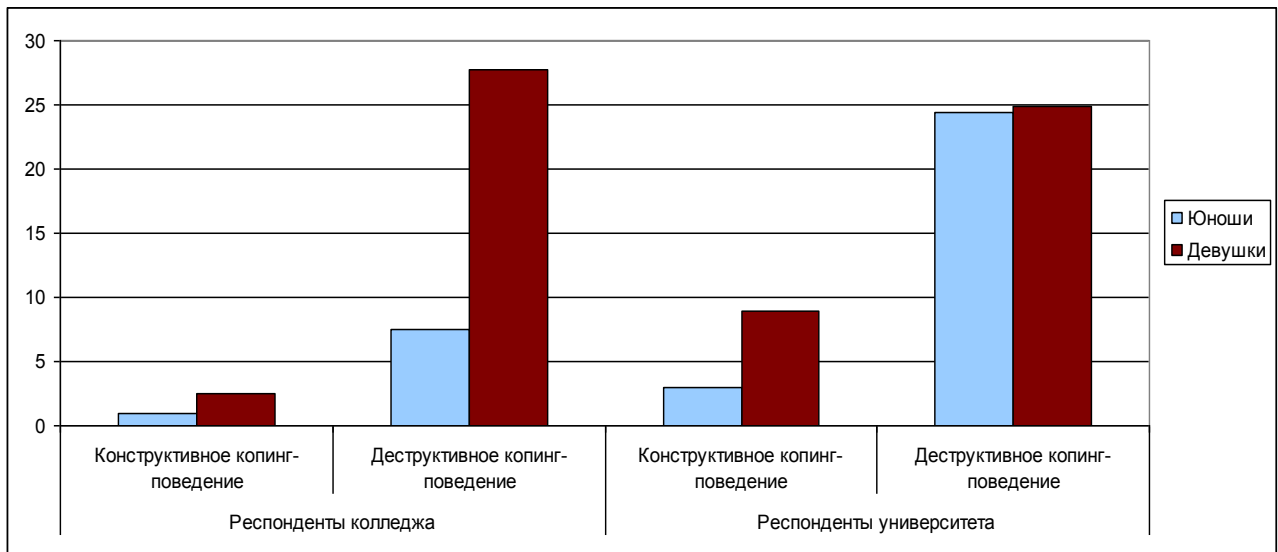

Рис. 1. Дифференцированные группы юношей и девушек – студентов университета и колледжа по сформированности копинг-поведения в образе семьи.

Согласно соотношению распространенности в группах респондентов студентов колледжа и университета, деструктивное и конструктивное копинг-поведение имеет похожие тенденции: в большей степени наблюдаются деструктивное копинг-поведение. Мы предполагаем, что такое распределение тенденций может быть связано с особенностями семейной идентификации и восприятия мира в юношеском возрасте. Следует отметить, что проведенное исследование требует уточнения, включения других методик и расширения самой выборки.

Таким образом, мы можем констатировать, что изучение копинг тенденций в образе семьи является весьма актуальным. Для молодых семей более характерны индивидуальные и разобщенные копинг-стратегии. Для молодого поколения совладающее поведение родителей и детей, как в дисфункциональных, так и условно благополучных семьях имеет общие характеристики, подтверждающие возможность межпоколенного наследования копинга в семье. Однако каждая конкретная личность не просто усваивает опыт семейной группы, но в силу индивидуальных особенностей, рефлексии, личного опыта, перерабатывает «чужой

опыт», приобретая собственный опыт совладания с трудностями в процессе «состыковки» собственных представлений и опыта окружающих людей. Следует отметить, что механизмы идентификации являются не единственным источником воспроизводства моделей совладающего поведения в семье. Наше исследование показало, что юноши и девушки в возрасте 18-20 лет склонны к проявлению деструктивного копинг-поведения. Это может быть связано с недостаточной психологической просвещенностью, избеганием рефлексии, большей доступностью проявления деструктивных копинг-стратегий в семье. В связи с этим педагогам и психологам важно обращать внимание на формирование конструктивных копинг-стратегий.

Список литературы

1. Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. – М. : Смысл, 1999. – 377 с.
2. Копинг поведение – (URL: <http://www.psyline.ru/?mod=dictionaries&id=1037>)
3. Круглова Н.А. Особенности осознания семьи у детей с девиантным поведением : диссертация кандидата психологических наук : 19.00.01 / Н.А. Круглова. – Москва, 2006. – 206 с.
4. Крюкова Т.Л. Индивидуальные и групповые тенденции совладания с трудностями в российских семьях / Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Том 20. – С. 71-77.
5. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в современной российской семье / М.В. Сапоровская. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – 430 с.
6. Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии / Л.Б. Шнейдер. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 928 с.

**Оценка значимости семьи
в построении сетевой идентичности молодыми людьми**

Мустафина В.С., Мустафин Р.Д.

Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

vsmustafina@mail.ru

Аннотация. Обсуждение результатов сравнительного анализа отдельных параметров сетевой идентичности в двух возрастных группах, выполненных на материале шкалы «Аспекты идентичности» (Дж. Чик и др.). Подтверждение гипотезы о различии значимости семьи и семейных отношений в построении сетевой идентичности у подростков и молодых людей. Выявлены возрастные отличия в показателях по шкалам идентичности для социальной и коллективной идентичности в сети.

Ключевые слова: идентичность, интернет, социальная сеть, сетевая идентичность, самопрезентация.

В последнее время опосредствованные Интернетом формы общения занимают всё большее место в современном мире.

Основу электронного общения для молодежи составляют широко распространенные на данный момент социальные сети — информационные и коммуникационные технологии, на которых строится личностное, деловое, групповое и массовое общение. В нашей стране это, прежде всего, ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Twitter, Skype, YouTube.

Распространение общения посредством социальных сетей поднимает много вопросов, к которым мы можем отнести и проблему управления процессами социальной перцепции, включая один из основных ее механизмов, а именно, массовое конструирование самопрезентаций молодежи, что является основой сетевых (виртуальных) идентичностей. Конструирование собственного образа в сети строится на

основе вербального и визуального (фотографии, видеоизображения) материала, часто с использованием аудиофайлов.

Феномен массового виртуального конструирования собственного образа, несомненно, привлек внимание значительного количества исследователей не только в области психологии, но и социологии, маркетинговых и культурологических исследований и т.д. Большая часть подобных исследований сосредоточилась на изучении соотношения виртуальной и реальной идентичности участников общения в социальных сетях, а также на изучении мотивационной составляющей в создании того или иного виртуального образа, учитывающей цели, благодаря которым и создается виртуальный образ. (Асмолов А.Г., 2007, Белинская Е.П., 2000, Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю., 2013).

Значение семьи в формировании идентичности ребенка ни у кого не вызывает сомнения, вне зависимости несколько это осознается или не осознается самим ребенком, а вот значение семьи в создании своего виртуального, в некотором смысле, искусственного образа, где все подчинено, как бы, воле самого создателя своей идентичности, остается открытым. Несомненно, сетевая идентичность всегда вторична по отношению к реальной идентичности, некоторые исследователи рассматривают ее как производную от реальной идентичности. И тогда, сама постановка вопроса о значимости семьи как бы переходит в другую плоскость, начинает рассматриваться с позиции, насколько сетевая идентичность может быть независимой от реальной идентичности, и соответственно от влияния семейного фактора. В этом случае, мы можем проследить изменения в трактовке исследовательских работ роли сетевой идентичности в виртуальном общении.

Первое на что обратили внимание исследователи феномена сетевой идентичности, это на то, что массовое стихийное конструирование в сети собственного виртуального образа привело к появлению такого явления, как наличие разнообразных, порой расходящихся с реальностью, альтернативных способов самопрезентаций. В условиях отсутствия у партнеров электронного общения привычных каналов, позволяющих классифицировать и корректировать искусственно сконструированный образ, перед участниками Интернет-общения открываются возможности сознательной манипуляции.

Для каждого участника социальных сетей открыта перспектива нацеленного выстраивания и презентации другим людям целого ряда расходящихся, несовпадающих (противоречащих один другому или совпадающих лишь частично) образов.

Согласно многочисленным отзывам участников Интернет-общения, в настоящее время, удачные манипуляции не являются редкостью, их успех зачастую связан с тем, что в новых условиях привычные способы осуществления социальной перцепции недостаточны. Изучение характера создания сетевой идентичности приобретает в данной ситуации особую значимость. Исследования этой тематики позволят лучше понять ценностные ориентации молодых людей в процессе конструирования собственной сетевой идентичности в условиях электронного общения.

В последнее время наблюдается сокращение исследований связанных с изучением сетевой идентичности как альтернативой реальной идентичности. Психологические исследования не выявили значимых результатов, подтверждающих «расщепление» или «множественность личностей» у активных пользователей Сети. Напротив, в научной литературе, посвященной этой проблеме, все больше присутствует и находит свое подтверждение гипотеза о том, что социальные сети могут рассматриваться как эффективный ресурс для выражения реальной идентичности. В 2010 году американскими и немецкими учеными было проведено экспериментальное исследование, которое подтвердило данную гипотезу. Удалось доказать, что «социальные сети транслируют различные аспекты личности, такие как ближайшее окружение, внешность, интересы, симпатии и антипатии, образы поведения, которые в целом представляют достоверную информацию о человеке, хотя отдельные положения и могут быть идеализированы» (Back M.D., Stopfer J.M., 2010). Проведенное исследование не подтвердило утверждение, что в Сети происходит конструирование альтернативной, по сути, ложной идентичности. Это, и подобные исследования (Соколов М.М., 2007; Костерина И.В., 2008; Зудилина Н.В., 2012), полностью поменяли объяснительные принципы в подходах трактовки определения «сетевая идентичность». Теперь на первый план выходит утверждение о стремлении личности к самоутверждению, к обозначению своей подлинности, как в реальной жизни, так и в пространстве компьютерных сетей. Исходя из этого вектора трактовки, все формы самопрезентации субъекта в Интернете,

будь то аватар или страница в социальной сети, теперь рассматриваются исследователями как возможность конструирования символического объекта, отражающего подлинную сущность «Я». Другими словами, в Сети человек конструирует не саму идентичность, но как бы «виртуальную оболочку» для нее, при этом она выступает как проекция реальной идентичности. Несомненно, и исследователи это понимают, человек способен задать ложные параметры такой проекции, причинами которыми он будет руководствоваться при этом, могут быть разные, однако общее настроение в исследованиях передается предельно ясно — такие качества как, анонимность и возможность примерить на себя другую социальную маску, не является привлекательными для пользователей Сети. То, что раньше обозначалась в исследовательских программах как привлекательные возможности Сети для сокрытия подлинного «Я», теперь трактуются как дополнительные возможности в конструировании образа, стремящегося отразить реальную сущность человека.

Таким образом, мы видим существенное смещение в исследовательских интерпретациях темы соотношения реальной идентичности и сетевой идентичности — от конструирования альтернативных идентичностей к конструированию символического объекта, отражающего подлинную сущность «Я». Теперь, мы можем вернуться к поставленному нами вопросу о значении семьи в построении сетевой идентичности, введя еще один важный фактор, без которого невозможно говорить о процессе формирования идентичности, речь идет о возрасте участников социальных сетей. Мы взяли в качестве испытуемых молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет и разбили их на две возрастные группы. Введение в исследование возрастного фактора не было выбрано случайно. Многие исследователи утверждают, что подростковый и ранний юношеский возраст является ключевым в приобретении чувства идентичности. К 22-24 годам молодые люди, зачастую, уже могут решать взрослые проблемы на основании сформировавшейся психосоциальной идентичности. Таким образом, выбирая в качестве испытуемых молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, мы, как бы, охватываем важный период в становлении их собственной идентичности. Целью нашей работы было выявление специфики сетевой идентичности молодежи в социальных сетях. В рамках проведенного исследования рассматривался и вопрос о значимости семьи и семейных

отношений для построения собственной презентации в сети. Одной из гипотез, проведенного исследования было предположение о том, что для испытуемых в возрасте от 15 до 17 лет значимость семьи и семейных отношений для своего самоопределения в сети будет менее значимой, нежели для старшей группы — 20-24 года. И напротив, отношения со сверстниками, принадлежность к различным социальным группам в младшей группе будет выше, чем в старшей группе. В своем предположении мы исходили из возрастных особенностей подросткового и раннего юношеского возраста, для которых общение со сверстниками является приоритетным типом деятельности. Отсюда встает вопрос, можно ли предположить, что возрастные особенности, характерные для указанного возраста, проявятся и при построении сетевой идентичности в сети. При этом нами учитывается тот факт, что пользователи Сети вольны проделывать любые эксперименты со своей идентичностью — менять внешний облик, пол, возраст, редуцировать для достижения поставленных целей невербальные проявления. Возможности экспериментирования, по сути, могут быть ограничены лишь способностью конструирования как можно более достоверной сетевой идентичности, способностью перевоплощения и желанием поддерживать альтернативную вымышленную социальную маску. Нам представляется важным еще один взгляд на соотношение сетевой идентичности и реальной идентичности, который связан с обозначением возможности получения дополнительного нового опыта. Эта особенность отражает такое состояние идентичности, для которой характерен поиск альтернатив дальнейшего развития. В итоге, множественность виртуальных идентичностей может быть связана с открытостью реальной идентичности, а также, с процессом ее формирования. Процесс формирования реальной идентичности также нуждается в возможности переживания нового опыта, попыток идентификации себя с различными сообществами, задающими ориентиры и для социальной идентичности.

Учитывая все выше сказанное, и исходя из того, что подростковый и ранний юношеский возраст является самым активным возрастом пользователей Сети, в исследовании сетевой идентичности не может быть проигнорирован тот факт, что именно этот возраст является наиболее сенситивным в плане самоопределения, поиска своей идентичности, формирования собственного «Я». Психологические исследования

подросткового возраста выделяют одну из основных его характеристик — «В течение этого периода ломаются и перестраиваются все прежние отношения ребенка к миру и к самому себе...» (Божович Л.И., 1968). Иными словами, в этот период развиваются процессы самосознания и самоопределения, которые и предопределяют вступление подростка во взрослую жизнь. Все эти изменения происходят на фоне разворачивания «ведущей деятельности» подростка, пользуясь психологическим языком, которую характеризуют как интимно-личностное общение со сверстниками. Таким образом, именно в подростковом возрасте выделяются две значимые переменные — стремление к самоопределению и, превалирующую над всеми другими видами деятельности, значимость общения. Обе эти переменные и выступают объектом пристального внимания исследователей к построению сетевой идентичности в подростковом возрасте.

Для подтверждения значимости семьи и семейных отношений в построении сетевой идентичности молодыми людьми в социальных сетях нами было проведено анкетирование 72 испытуемых, которых мы разделили на две возрастные группы, обозначенных в дальнейшем как подростки и молодых взрослые. В качестве материала исследования использовался опросник «Аспекты идентичности» Дж. Чика (Cheek J.M., Briggs S.R., 1982). Опросник содержит в себе 45 вопросов, которые позволяют различать на эмпирическом уровне сразу несколько аспектов или «ориентации» важных для конструирования собственной самопрезентации, формированием сетевой идентичности.

Среди выделяемых параметров идентичности, для решения поставленной нами задачи — выяснения значимости семьи и семейных отношений в построении сетевой идентичности молодыми людьми, особый интерес представляют полученные результаты по параметрам реляционная идентичность, социальная идентичность и коллективная идентичность.

Реляционная идентичность (Relational Identity Orientation) направлена на оценку значимости межличностных отношений (например, «Мои отношения с близкими мне людьми» или «Развитие доверительных отношений с моими близкими»). Причем в вопросах акцентируются отношения с близкими людьми, прежде всего, членами семьи, и качество отношений описано, по большей части, как «заботливое», «участливое», «глубокое».

Социальная идентичность (Social Identity Orientation) показывает значение для испытуемых социальной оценки и включает вопросы, отражающие восприятие своей оценки в глазах других людей. Это имеет отношение и к вопросам оценки репутации, и привлекательности внешности и особенности поведения. К примеру, «как другие люди реагируют на то, что я говорю и делаю», «моя репутация: что другие думают обо мне» или «мои манеры, особенности поведения и то, какое впечатление я произвожу на других».

Коллективная идентичность (Collective Identity Orientation) отражает переживание принадлежности к семье, расе, культуре — светской или религиозной, а также политической. К примеру, «принадлежность к роду, ко многим поколениям моей семьи», «моя этническая принадлежность», «гордость за мою страну, гордость, что я гражданин».

Полученные нами результаты распределения значимости параметров идентичности в двух возрастных группах меняются в зависимости от возраста испытуемых, что позволило нам подтвердить ранее выдвинутую гипотезу о влиянии возраста участников социальных сетей на формирование сетевой идентичности. Мы еще раз убедились, что подростки и молодые люди используют разные техники самопрезентации в создании своего образа в сети. Разными оказались и результаты, имеющие отношение к отражению значимости семьи и семейных отношений в самоопределении себя в сети испытуемыми в двух возрастных группах.

Результаты проведенного исследования показали наличие разницы в оценке значимости семьи и семейных отношений в двух возрастных группах. Как и ожидалось, подростки продемонстрировали меньшую значимость этого фактора для своего самоопределения в сети. Отвечая на вопросы, касающиеся важности восприятия себя частью своей семьи, выстраивания доверительных отношений со своими близкими, обозначения этнической принадлежности, а также, важности дома, где живет опрашиваемый или провел свое детство, большая часть респондентов подростков оценила эти вопросы по пятибалльной шкале ниже, чем это сделала старшая группа. Напротив, те вопросы, которые имели отношение к выявлению значимости дружеских отношений со сверстниками, фиксировали чувство принадлежности к какой-либо

социальной группе, желание быть хорошим другом, получили в группе подростков, как и ожидалось, более высокую оценку, нежели это продемонстрировали молодые взрослые.

Таким образом, говоря о значении семьи и семейных отношений в построении сетевой идентичности молодыми людьми, сравнивая между собой результаты опроса в двух возрастных группах, мы получаем, по крайней мере, на уровне вербальной оценки испытуемых ту же возрастную закономерность, которая наблюдается и в ходе формирования реальной идентичности подростков и юношей. Мы видим сохранение важных закономерностей в отношении молодых людей в реальной действительности, и их переноса в оценку значимости виртуальной действительности.

Учитывая полученные результаты, можно ли согласиться с утверждением ряда исследователей сетевой идентичности, что последняя является проекцией реальной идентичности человека, принимая во внимание тот факт, что главное отличие сетевой идентичности от реальной, связано с возможностью ее конструирования. Ведь сетевая идентичность не порождается сама собой в процессе взросления и старения, она конструируется с тем, чтобы быть эксплицитно представленной другим людям, и это ее качество становится объектом повышенного исследовательского интереса, социокультурным феноменом, изучение которого допускает междисциплинарность исследовательских подходов.

В завершении, хотелось бы отметить, еще одно важное направление в исследованиях сетевой идентичности. В этом направлении несколько иначе рассматривается вопрос соотношения реальной и виртуальной идентичности. Как правило, вопрос формулируется о влиянии реальной идентичности на виртуальную, однако, включение фактора становления и поиска себя в подростковом возрасте, обозначает возможность обратного влияния, а именно, влияние виртуальной идентичности на реальную идентичность. Примером может служить, наиболее часто встречаемая среди подростков особенность, включение принадлежности к определенному сетевому сообществу в реальную социальную идентичность. В этом случае, можно предположить, что участие в виртуальной коммуникации вносит вклад в становление определенного содержания личной идентичности. В результате, между виртуальной

самопрезентацией и реальной идентичностью могут существовать отношения взаимовлияния, и это может быть характерно не только для подросткового возраста

Подводя итоги исследованию значимости тех или иных параметров сетевой идентичности в контексте изучения Веб-коммуникаций, можно говорить о том, что для каждого отдельного участника виртуального общения этот вопрос остается открытым. Проводя эмпирическое исследование, нам приходилось слышать от активных пользователей Сети, что для них сетевая идентичность является основной, жизненно важной и приоритетной, в сравнении с той, которая, как нам объясняли, воспринимается как рутинная, скучная, да к тому же навязанная другими людьми. В настоящее время, конструирование собственной идентичности, неважно, связано это с компенсацией, неудовольствием своим собственным «Я» или ролевыми играми, поисками самого себя и/или опытом саморефлексии и тому подобное, вне зависимости от скрытых и явных мотивов, переживает процесс стихийного становления. И одной из основных задач электронного общения, как справедливо полагает Белинская Е.П. [25] является решение задачи самоидентификации, поиска идентификации.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл. 2007. С. 528.
2. Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. //Образование и информационная культура. — М., 2000.
3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М., 1968. С. 38
4. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю., 2013.
5. Костерина И.В. Публичность частных дневников: Об идентичности в блогах Рунета // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. — 2008. № 3. С. 183–191
6. Соколов М.М. Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // Личность и межличностное

взаимодействие в сети Internet // Под ред. Волохонского В.Л., Зайцевой Ю.Е., Соколов М.М. СПб.: СПбГУ. 2007. С. 9–39.

7. Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S.C., Egloff1 B., Gosling S.D. Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization // Psychological Science. — 2010. № 3, P. 372–374.
8. Cheek J.M., Briggs S.R. Self-consciousness and aspects of identity // Journal of Research in Personality. 1982. 16. 4. 401–408.

Секция 7 . Этнопсихология семьи и проблемы многонациональной семьи

Психологические причины трудностей в детско-родительских отношениях у подростков-правонарушителей в условиях их пребывания в республиканской специальной школе г. Душанбе

Абдурашитов Н.Ф.

Институт развития образования им. Абдурахмана Джами

Академии образования Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

a_naimjon_f@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются психологические причины трудностей детско-родительских отношений между подростками-правонарушителями и их родителями в условиях пребывания детей в республиканской специальной школе г. Душанбе. Анализ научной психолого-педагогической и учебной литературы в Таджикистане указывают недостаточную разработку основных подходов к преодолению трудностей в детско-родительских отношениях и создание условий гармонизации отношений в семье. Мы можем предположить, что психологические